

BOGDAN

BOGDANOV

ИДИОТЕНТЕСТ

Bogdan Bogdanov

Идиотентест

«Остеон-Групп»

2020

УДК 82-94
ББК 84 (2-5)

Bogdanov B.

Идиотентест / В. Bogdanov — «Остеон-Групп» , 2020

ISBN 978-5-98551-260-1

С чего начать? Вот решил вам, друзья мои, написать о тех далёких временах, когда все внутренние органы функционировали в штатном режиме. Когда мозг только зарождался в наших бестолковых головах, а все решения принимались инстинктивно – то бишь, неосознанно (согласно Толковому словарю). И то верно. Осознанности в те годы было маловато... Если вы всё же решитесь прочесть это, то хочу вас кое о чем попросить. А именно! Во-первых, не бросайте, не дочитав хотя бы до середины, потому как поначалу там всё ни шатко ни валко, но постепенно художественная пружина разжимается, обнажая эрогенные зоны смысла, которые я и буду стимулировать, пытаясь довести вас сами знаете до чего. Во-вторых, раз уж вы так и так собрались потерять немного времени, молю, не судите строго моих героев, не будьте слишком предвзятыми и требовательными к ним, ведь это всё не со зла или корысти ради, а просто потому, что они идиоты.

УДК 82-94
ББК 84 (2-5)

ISBN 978-5-98551-260-1

© Bogdanov B., 2020
© «Остеон-Групп» , 2020

Содержание

От автора	6
Питер-2	7
Конаковский Эскалибур	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Bogdan Bogdanov

Идиотентест

© Bogdan Bogdanov, 2020

Idiotentest – «Медико-психологическое исследование» – медико-психологическая экспертиза водителя, прежде всего лишённого права управления транспортными средствами за злостные нарушения Правил дорожного движения, в частности, за управление транспортным средством в состоянии опьянения.

В Германии медико-психологическое исследование называется Medizinisch-Psychologische Untersuchung (MPU) и упоминается в законодательстве под названием Begutachtung der Fahreignung («Экспертиза пригодности к вождению»). Однако в разговорной речи MPU очень часто называют Idiotentest («Тест на идиотизм» или «Тест для идиотов»). Это выражение возникло в 1950-х и 1960-х годах, когда на вышеупомянутую экспертизу приглашали новичков, не сдавших экзамены на получение водительского удостоверения три раза. Позже, начиная с 1970-х годов это правило было упразднено, так как не была доказана статистическая связь с количеством несчастных случаев. С тех пор на эту экспертизу попадают чаще всего люди, пойманные за вождением под воздействием алкоголя или других наркотических средств, а также и новички, не сдавшие 6 раз теоретическую часть экзамена на водительские права.

(Википедия)

От автора

Речь в этой книге пойдет о тех, чьи молодые годы выпали на конец 90-х начало 2000-х, о тех, кто был рожден ещё в Советском Союзе, но по ходу взросления очутился в совсем другой стране, о тех людях, глаза которых видели крушение идеалов и мировоззрений, о тех кто первыми пали жертвами всех идей и соблазнов, что хлынули в нашу страну из-под приподнятого, словно подол юбки, железного занавеса, о тех, кто стоял у истоков того, что впоследствии назовут молодежными субкультурами, о тех, кто предпочитал жить в субъективной реальности и всячески сторонился объективной, о тех личностях, которые не имея идеалов и ориентиров, просто вынимали их из своих расширенных сознаний и предпочитали химер реальным образам, тех, которые шли за своими мечтами, забывая порой о том, что это лишь игра, о людях, которые видя руины, устраивали на них open-air, вместо того чтобы оплакивать, канувшее в небытие, бывшее величие, о тех для кого средство достижения цели в результате стало самой целью, о персонажах, с одной стороны, немислимых и абсолютно обыденных с другой, о наших с вами современниках, тех, что стали городскими легендами, тех кого можно назвать последним советским поколением, вставших на путь саморазрушения и направивших всю свою силу и весь свой талант на то чтобы, как можно веселей и безумней прожечь свою молодость, потратив свои лучшие годы на бесчинства и безобразия и возведших все это в абсолютную степень, тех кто свёл этот мир с ума, но сделал это изящно, непринужденно, можно даже сказать, естественно, просто признав свою природу, природу несозидателей.

«Рвите когтями танцполы, клубные дети.
Вы ангелы смерти этой планеты.
Крылья раскиньте, свет солнца закройте,
Чтобы вечная ночь. Непокой».

Хочу сразу заявить, что все имена и события в произведении являются плодом воспалённого воображения и большой фантазии автора, любые совпадения с реальными людьми и событиями – чистая случайность.

Питер-2

Ну, допустим, было это поздней весной или может быть ранним летом 2002 года. Хотя опять же точно ни со временем года, ни с самим годом определиться уже нельзя. Странно это, но порой по прошествии лет трудно восстанавливать хронологию событий, особенно когда полагаться приходится исключительно на собственную память. Потому как остальные участники вспоминаемых событий либо обладают ещё более плохой памятью, чем у меня, либо контакты с ними уже давным-давно утрачены в силу целого ряда объективных причин. Но... Ну да ладно, по сути, это не является принципиально важным фактором.

Вообще Питер – это странный город; он является как бы антиподом самого себя. Летом и поздней весной это одно из прикольных мест на Земле, а вот зимой и осенью – просто кромешный ад. Уж извините, что так жёстко да только так оно и есть. Ну правда же, жуткий депрессняк там, когда идёт дождь и, подлетая к земле, капли превращаются в маленькие ледышки, которые так уютно секут кожу на лице, а Нева чёрно-серого цвета плавно сливается с небом, и уже точно не знаешь, какое сейчас на дворе время суток. Люди, безликие и бесцветные, словно промокший картон, бегут мимо, так же сливаясь с «жизнерадостным» пейзажем, и если куда и идти, то только в кабак. Но зато вот с чем-чем, а с кабаками там полный порядок. Каких там только нет! А сами питерцы в кабаки, оказывается, с их же слов, в отличие от тех же москвичей, ходят «за атмосферой». Думаю, что у всех, у кого есть друзья и знакомые в Питере, понимают, о чём я.

А ещё только там огромное количество странных магазинов по типу «всё для начинающих художников». В Москве, равно как и в других городах нашей страны, я магазинов с такими названиями отродясь не видел. И всё-то там императорское, и всё-то там с претензией. В общем, Питер – это Питер. Город, где обязательно стоит побывать, но жить там сможет далеко не каждый. Ну да ладно, это всё лирика, а мы вернёмся к нашим нерадивым героям, в числе которых был и ваш покорный слуга. Ах да, почему, собственно, «Питер-2»? А всё очень просто; была и первая поездка в Питер, тоже очень незаурядная, но про ту экспедицию я обязательно поведаю в другой раз. Эта же история началась так же, как и многие истории в моей неоднозначной молодости. С пива.

Лё-шик позвонил мне накануне и предложил попить пивка. Я, конечно же, согласился, предвкушая знатную попойку. В то время, уж если Лё-шик сам тебе позвонил, то считай, ты стал избранным. Он типа Морфеуса: и таблетки предложит на выбор, и запить, а потом и курнуть, потому как душа и тело должны находиться в гармонии. Я, кстати, после просмотра «Матрицы» первой всё думал, а вот если съесть сразу обе таблетки, что предлагал Морфеус Нео, что будет? Вставит, наверное, знатно. А пойти попить пивка с Лё-шиком – это примерно то же самое, что съесть эти таблы. В страну чудес попадешь точно. Итак, начнём.

– Ну чё, чувак, рассказывай, как докатился до такой жизни? – Он сидел на корточках возле бомбоубежища в моём дворе и хищно улыбался. Рядом лежал туго набитый пакет. Я слегка пнул пакет ногой и, услышав ожидаемый, ласкающий слух перезвон, тоже улыбнулся и уселся на лавочку рядом.

– Вот скажи мне, ты ведь задумал что-то, а? – хитро прищурившись, спросил я у своего друга.

– А то, – хрюкнул он в ответ. – Блин, чувак, на самом деле никаких особых планов нет, но замут имеется. Может, погоним в Люблинки? – попытожил он.

Люблинки – это одно из культовых мест моей молодости. Второе название Кузьмино, как вы понимаете, это синтез названий двух станций метро – «Кузьминки» и «Люблино»; аккурат между ними, по уже не помню, какому адресу, проживали две наших боевых подружки – Бэлла и Агнес. Ох, девчонки задорные были... Хотя почему «были»? Они и сейчас есть, просто не

виделся я с ними уже много лет, по-моему, всё у них «Ок» и «норм». Со своими тараканами в головах, конечно, причём тараканов этих у них было побольше, чем у всех остальных вместе взятых. Но они заслуживают отдельной истории, поэтому сейчас не буду особо распаляться. Но расскажу про один тезис, который родился именно в Люблинках, – это «кроя». Концепция тезиса заключается в перемещении красного квадрата. Знаете, есть такие календари, состоящие из трех прямоугольных секций. На верхней секции предыдущий месяц, на той, что по центру, текущий, а на нижней – тот, что идет следом. В центральной секции находится некое подобие рейсшины, изготовленной обычно из прозрачного пластика, чтобы не закрывать даты, а по ней рукой можно передвигать тот самый красный квадратик, который в свою очередь указывает сегодняшнее число. Если вы, конечно, не забываете об этой ежедневной процедуре. Так вот, во время «крои» этот квадратик передвигается не по горизонтали, а по вертикали. И вы уже, наверное, догадались, по какой причине он так делает. Тусовки в Люблинках всегда отличались особой жестью, там можно было потеряться на длительный срок. Иной раз, смотря, на такой вот календарь, который неизменно висел на кухне, я ловил себя на мысли: «Хм-м, что-то я вот среду и четверг вообще не помню». И как-то на одной из таких лихих тусовок родилась «кроя». И кто бы с нами туда ни приезжал «чуток» потусить, обязательно проваливались в слепо-безжалостную бездну «крои». Так-то вот.

И, собственно, предложив мне туда отправиться, Лё-шик автоматически запускал механизм, который активировал эту вот самую «крою», так до конца непонятое и неисследованное явление коллективного бессознательного. И я, конечно же, не думая ни секунды, согласился понестись по волнам социального психоза. Но вначале надо было разогреться и заглушить и без того тихий и слабый, словно последнее издыхание умирающего, голос разума. И мы с усердием ревностных католиков приступили к делу. Чтобы расправиться с содержимым упомянутого уже пакета, в котором было шесть бутылок пива и пара пакетиков с сухариками, нам потребовалось около часа. После этого, чувствуя лёгкое помутнение, мы начали продумывать дальнейший план действий.

– Короч, вначале надо зайти за чекудроном (хорош пиво сосать), потом тёлкам позвонить, вдруг они затусили и их дома нет, – взял инициативу в свои руки мой пронизательный друг. План был идеальный. Как, впрочем, и всегда. Как только в кровь Лё-шику попадала хотя бы капля вспомогательного вещества, он сразу же начинал проявлять удивительную смекалку и красноречие, этакий интеллектуальный берсерк. Решено было разделить, он отправляется в магазин за чекушкой, а я иду прозванивать девчонок и так как у меня дома на тот момент почему-то никого не было, то он с водкой подходит ко мне. Там мы её распиваем, плюс наверняка у меня в холодильнике найдётся чем закусить, а потом отправляемся навстречу приключениям. Но одно событие внесло серьёзные поправки в грядущее, изменив всю логику событий и подарив нам то, что я впоследствии назвал «Питер-2».

Войдя домой, я, не раздеваясь, сначала зашёл в туалет, так как пиво просилось наружу, а затем проследовал в большую комнату, где находился стационарный телефон. Потому как в то время мобильных почти ни у кого не было, в особенности у таких нищевродов, как я. Я набрал домашний номер Агнес, но ответа не последовало. В принципе, время было ещё раннее и они могли находиться ещё на учёбе или заехали куда-нибудь махнуть по рюмашке. И тут я увидел именно то, что и стало причиной дальнейших фатальных событий. А было это – 50 долларов, которые лежали на книжной полке поверх какого-то листочка. Это, как впоследствии выяснилось, родители оставили сестре, вроде как на зубного. Вообще я никогда ни до этого момента, ни после не крал из дома денег и ничего другого, кроме самогона, который мой папа искусно гнал на кухне по ночам. А с учетом его ученой степени по химии, самогон получался просто убойный и порой не взять литрушку, побаловать друзей, было просто нельзя. Но в этот раз у меня просто что-то щёлкнуло в голове. Бес попутал, наверное. Ну, короче, взял я эти баксы. Это сейчас полтинник долларов – копейки, а в то время это были деньжищи «дай

божэ». А в руках двух ещё очень молодых и, соответственно, совершенно безответственных бестолочей, как мы, эти деньги превращались в угрожающее, в первую очередь нам самим, оружие массового поражения.

Я пулей вылетел на лестничную клетку и, чуть не столкнувшись с Лё-шиком, безмолвно увлёк его назад в лифт и быстро нажал на кнопку первого этажа.

– У меня, короче, пятьдесят баксов, но нужно быстро валить в Москву, – протараторил я. Лё-шик кивнул, достал из кармана чекушку и, открыв её отработанным, резким движением, запрокинул голову и прямо из «горла», осушив примерно половину, передал мне её, как эстафетную палочку.

Я принял эстафету и повторил его действие. Доехав до первого этажа, мы вышли из лифта с пустой тарой. Вот за что я люблю Лё-шика, так это за то, что он никогда не задаёт лишних вопросов, а получая информацию, мгновенно реагирует на ситуацию и выдаёт варианты решений. Вот и сейчас он словом не обмолвился, а побежал рядом со мной в направлении автобусной остановки. Не спросив меня, откуда деньги, почему мы, собственно, бежим, позвонил ли я в Кузьмино и на месте ли девчонки и, вообще, какие изменения в планах, он, просто повинувшись внутреннему чувству, последовал за мной. Ну не красавчик? Красавчик, конечно же.

– Есть хоть децл лавэ? На маршрутку хватит? – бросил я через плечо.

– Да, да, чувак, запрыгивай. Вон наша идёт, – немного задыхаясь, ответил Лё-шик. Мы доехали до Измайловского парка, где и было решено обменять деньги.

– У тя паспорт-то есть, бандит? – Лё-шик с улыбкой процитировал фразу из известного фильма.

– Нет, конечно, только студак, – ответил я, машинально ощупывая карманы. – О! Ещё зачетка, читательский, пара допусков к зачетам и профсоюзный, – добавил я не без доли удивления, обнаружив всё это в своих бездонных карманах.

– Хорошо, что у меня есть, а то пришлось бы идти к чебурекам менять, а там кинут просто в раз, – немного с укоризной произнёс он.

– Ладно, хорош нотации мне читать, пойдём уже, – прекратил я эту бесполезную дискуссию. Мы пошли в обменник возле метро и успешно поменяли американские деньги. И вот, стоим мы около вестибюля метро, такие разные, но объединенные общей целью. Кстати, о «таких разных» – по тем временам наш дуэт выглядел действительно странно. Я был поклонником «хэви-металла» и, соответственно, выглядел, как классический металлиуга. Длинные, с красным отливом, волосы, потёртая косуха, кожаная жилетка, чёрная майка с рогатыми голыми девками и надписью по типу death или hell, а может, и то и то, точно не помню. Довершали картину джинсы с дырками на коленках и огромного размера «гриндера». Лё-шик же был приверженцем набиравшей в то время популярность альтернативной субкультуры. Разноцветная панамка, широкие штаны, в простонародье именуемые «трубами», большие тёмные очки, толстовка с изображением рыбьего скелета и кеды оранжевого цвета на широкой подошве. При этом он был абсолютно лысый и превосходил меня в росте и ширине плеч чуть ли не в два раза, хотя я, в принципе, в те года был в очень неплохой физической форме и весил килограммов семьдесят пять-восемьдесят при среднем росте в сто семьдесят шесть сантиметров. Это чтобы вы представляли реальные габариты моего любимого персонажа. По сути, это был просто гигант, но добрый и нежный. В общем, Джимми Поп и Элис Купер, пьющие пиво у метро «Измайловский парк». Представьте себе такое, – вот и я о чём. Но, повторюсь, это не мешало нам быть самыми, что ни есть закадыками, да что там закадыками? – мы были мокротными братьями, и этим всё сказано.

– Давай чё-нить прикольное замутим, а не просто нажрёмся, – неожиданно предложил я.

– Хм. Прикольное, говоришь? – задумчиво произнёс Лё-шик. – Может, на кораблике прокатимся по Москве-реке?

– О! Тема! Давай, я, по ходу, ни разу ещё на них не катался.

– Да ладно, в натуре, а на выпускной – что?

– Какой, нах, выпускной? Я на выпускной выпил залпом бутылку водки на спор. Вот и вся культурная программа.

– Да ты гонишь! Прямо, пузырь? Ты?

– Ну, технически я её не допил, потому что меня начало тошнить где-то на половине. Но я проблевался и допил, а потом опять проблевался, а потом опять и опять, и ещё ночью, а потом утром, и мне кажется, что и в обед на следующий день тоже.

– Всенощная литр-гия во имя бога Блевса! Молодец! – Лё-шик пожал мне руку, выкинул пустую бутылку и пошёл в сторону метро. Ходят легенды, что однажды на какой-то пьянке Лё-шик, выпивая из пластикового стаканчика какую-то ужасную водку, почувствовал себя дурно, и его начало мутить. Он немножко блеванул прямо в тот же стаканчик, и блевотина смешалась с остатками пошла, а затем, внимание, он одним махом всё содержимое пластикового сосуда влил обратно себе в пасть и рассмеялся жутким, потусторонним смехом, погрузив в безмолвное оцепенение всех свидетелей происходившего. Потом эти несчастные шёпотом рассказывали эту историю, при этом как-то загнуто озираясь по сторонам. Я их понимаю, зрелище, думаю, было не для слабонервных; даже историю эту некоторые впечатлительные особы не могли воспринимать без дрожи и отвращения. Хотя меня это впечатляло и вдохновляло одновременно, вполне в духе времени; к тому же у всех членов мокротного братства были такие, можно сказать, коронные фишки, но у каждого своя и в своей теме. Вообще про ОМБ (общество мокротных братьев) я, конечно же, поведаю отдельно, потому как это, наверное, была самая безумная из всех воплощённых нами идей. Такими можно и мир уничтожить. Ну, короче, остановить нас сможем только мы, и мы это сделаем, даже ценой собственных жизней. Бля буду...

Я пожал плечами и последовал за ним, вспоминая поочерёдно свой выпускной и ещё – плавал ли я всё-таки на речном кораблике или нет? Вроде бы нет. За этими мыслями я и не заметил, как мы добрались до «Октябрьской». Там находился причал.

Мы сели на кораблик и спокойно отчалили. Речная прогулка была достаточно продолжительной, так что мы успели насладиться в полной мере. Получая несравненное удовольствие от прекрасной погоды и видов столицы, мы пили «Кампари» со льдом и долькой апельсина. Вели непринуждённую беседу и, несмотря на наличие денег, всё ещё пребывали во вполне адекватном состоянии, что, конечно, было удивительно само по себе.

– Ну чё, повыёживались и хватит? – спросил Лё-шик. – Или ещё немного.

– Не знаю даже, знать бы, куда дальше.

– Может, на Арбат?

– О, давай, там приколемся, – подытожил я.

Сказано – сделано. Хоп – и мы на старом Арбате. Народу там, как всегда, было много. Нам надо было найти тусу, каких-нибудь неформалов.

– Пойдем к стене Цоя. Может, кто из знакомых есть?

– Ага, Мамай или Чудо, – заржал лысый. Я тоже улыбнулся, хотя в глубине души не хотел встречаться с этими персонажами, потому как такие встречи обычно заканчивались в отделении милиции номер 2 по району Арбатский. А в кутузку очень не хотелось; плюс это, скорее всего, означало бы расставание со всей имеющейся личностью, что в данный момент было недопустимо. Но до стены Цоя мы не дошли, а остановились на «Вахте»; там, где фонтан. Вахта, кто не знает, это театр имени Вахтангова. Вроде, там стояли какие-то знакомые панки. Хотя меня больше интересовали незнакомые девчонки, которые тёрлись рядом. В те времена я очень часто попадал в неприятности именно из-за моей «тёлкозависимости». Бывало, что и друзья высказывали свои претензии, которые заключались в том, что я слишком много времени уделяю их тёлкам и слишком мало им самим. Но это не самое страшное. Водился за мной и другой грех, тоже связанный с девками. Я, к сожалению, наверное, чаще других, а точнее, намного чаще других оказывался в кровати с подружками своих друзей. И чаша сия не

минула... в общем-то, почти всех... или никого, как правильно? Короче говоря, я переспал в разное время с гёрлфрендами почти всех моих друзей. Конечно, это накладывало определённый отпечаток на отношения. И драки тоже, конечно, были, и другие, самые разные реакции. Больше всего мне понравилась реакция Ангела: он просто хлопнул меня по плечу и сказал «с днём рождения, чувак». Это была классная история; в то время Агнес как раз была девушкой Ангела, а я приехал в Люблинки в первый раз. И в тот момент состоялся самый быстрый «взаимно симпатический сговор» в истории. Я зашел на кухню (в этот день и правда был мой день рождения) и увидел Агнес; она сидела на кресле в углу кухни и, размахивая руками, звонко смеялась. Тусовка была в разгаре, народу было много, и нас никто не представил друг другу. Но вот мы встретились взглядами, у меня кровь отлила от головы, и я сказал ставшую в последствии крылатой фразу: «Пойдем в ванну, покурим». С того момента, как я вошёл в квартиру, прошло секунд семь. Она встала, взяла меня за руку, и мы пошли в ванну, где, не говоря ни слова и даже не спросив имён, мы набросились друг на друга, словно голодные львы. Чудесная девушка!.. Вот так началась наша дружба. Да, кстати, на тот момент ни я, ни она, не курили, что придавало отдельный шарм всему случившемуся. Так, ну ладно; вернёмся к нашим баранам.

Мы поздоровались вначале со знакомыми панками, потом с незнакомыми, но я уже был поглощён идеей знакомства с деваками и продвигался к ним. Девки оказались из этой же тусы, что облегчало задачу. Я сказал, что надо сгонять в магаз за синькой, но одному мне идти влом, и в этот момент нужно было быстро предложить понравившейся крале сходить вместе со мной. Трюк старый, как мир. Используется тот же принцип, что и при охоте диких хищников – первым делом нужно отделить особь от стада. А уж наедине-то да с деньгами... остальное – дело техники. Тут всё просто, пока идём в магазин, завязываем лёгкую беседу, то да сё, а потом, мол, говоришь: «слушай, а давай свалим ненадолго, где-нибудь посидим вдвоём, выпьем...» и, короче, тому подобная чушь.

И вот, когда дело было почти что сделано, и я шёл с искомой девой в сторону Смоленской, нас неожиданно догнал Лё-шик, который, видимо, заподозрил неладное, а так как знал он меня очень хорошо, то понял, что я могу затеряться с тёлкой и деньгами, и тогда – никакого продолжения банкета, а этого он допустить не мог. И в результате не допустил. Надо признать, что тот факт, что к нам присоединился Лё-шик, девушку никак не смутил. Меня это весьма обрадовало. Справедливости ради, надо сказать, что в те годы уж если я начинал думать о сексе, то ни о чем другом думать уже не мог, ну, пока не потрахаюсь. И поэтому в тот момент в моих мыслях один за одним прокручивались порноролики с участием идущей рядом деваки и моим, и даже проскакивали кадры с Лё-шиком. Девчонка улыбалась и смеялась во всю, а я распялялся всё больше. Думаю, что она уже готова была и на тройничок согласиться. Я, кстати, тоже был не против. Лё-шик, конечно же, понимал, к чему тут всё идёт, особенно видя, как я пускаю слюни. Придя в магазин, который находился рядом со станцией «Смоленская», если идти с Арбата, мы встали в очередь, которая полностью состоявшую из представителей молодёжных субкультур. Все были пьяные и вели себя соответственно. Тёлка начала хватать меня за задницу, и это было немного непривычно, но приятно; я обернулся к ней и засосал изо всех сил. Кто-то начал гикать рядом с нами, видимо, подбадривая меня в моих начинаниях. Я уже ничего не соображал, просто продолжал целоваться, получая удовольствие от жизни. Эх, святая молодость, ведь именно тогда можно просто получать удовольствие от жизни, не думая больше ни о чём. Это прекрасно! И как же этого не хватает, когда ты уже в возрасте. Хотя, казалось бы, да чего тебе мешает, когда ты уже, по сути, состоялся как личность, когда у тебя много больше возможностей и есть огромный опыт, и ты уже точно знаешь, как надо получать желаемое и искомое... Но, сука, нет. Такого пульса самой жизни уже не ощутить никогда. Такой пульс ты чувствуешь только тогда, когда тебе восемнадцать и ничего тебе больше не нужно, и ничего тебя не заботит, кроме собственных, ещё доселе неизведанных, ощущений, и

ради получения оных ты готов практически на всё, не думая о последствиях, которые, в свою очередь, не заставят себя долго ждать.

– Так, я всё взял, погнались, накатим, – голос Лё-шика вывел меня из состояния транса и заставил отлепиться от женских губ.

– Да! Давай накатим скорей! – завизжала моя пассия.

– Я только за, – как-то рассеяно произнёс я.

Мы вернулись назад на «Вахту», но там никого из наших не оказалось; может, менты согнали, а может, ещё что. Правда, это нас несколько не огорчило; мы комфортно расположились рядом со входом в театр и откупорили литруху. Лё-шик, конечно, не поскупился – брал, наверное, человек на шесть-семь. И водка была, и баклажка пива, и закуска даже имелась. Мы взялись за дело с завидным задором. Лё-шик залихватски разливал зелье, а я готовил канапе на закуску, аккуратно декорируя маленькие бутербродики капельками майонеза. Присутствующая с нами дама была поражена слаженностью и чёткостью наших действий. И мне начало казаться, что небольшая групповушка не за горами. Так что я начал форсировать события, приближая, как мне казалось, желаемое. Мы выпили по первой, а потом сразу по второй, запив всё это отвратительным на вкус пивом. Немного закусив, я разлил ещё по одной и приготовился толкнуть речь, в завершение которой планировал тонко намекнуть дивчине на имеющиеся у меня планы по поводу дальнейшего сотрудничества, потому как наступал подходящий момент. Но вот что произошло дальше.

– Мне нужно пописать, – сказала она игриво, насколько это было возможно в таком состоянии. Думаю, что у трезвого человека такая «игривость» ничего, кроме отвращения, не вызвала бы. Девица попыталась вломиться в театр, но её туда не пустили. И она, словно бадминтонный волан, отбиваемый ракетками, пошла по театральной галерее, видимо, во дворы.

– Надо у неё лифчик отжать, – сказал заплетающимся языком Лё-шик. В то время он коллекционировал лифчики; не знаю зачем, может, как трофеи, а может, и ещё зачем-то.

– Да мы её ща ваще развальцуем по полной проге. Не то что лифчик, но и всё остальное тоже. Ну-ка плесни мне, братишка, для куража. – Он налил мне полстакана, я взял пиво в одну руку, а стакан с водкой в другую.

– За ОМБ!

Я влил внутрь себя содержимое стаканчика и затем сделал несколько щедрых глотков из баклажки; мне в тот момент даже показалось, что мне вроде бы как достаточно, но нет! И на этом самом месте, судя по всему, образовалось некое подобие сингулярности. Потому что я не просто заглянул за горизонт событий; я рухнул туда, рухнул, словно белый карлик в чёрную дыру...

* * *

...Я открыл глаза и увидел зелень листвы, которая закрывала небо. Ну, не всё небо, а только половину, наверное. Хотя это меня в тот момент волновало в наименьшей степени. В первую очередь я силился понять, где нахожусь. Странно, но я не чувствовал никакого дискомфорта, хотя, по логике, мне должно было быть очень плохо. Но как стало понятно чуть позднее, это была просто замедленная реакция. Тело не подчинялось. Я хотел было поднять руку, чтобы почесать нос, но просто не смог этого сделать, словно и не было никакой руки. Мне на секунду стало страшно, но лишь на секунду. Я дёрнулся вправо и рухнул с лавочки на грунтовую поверхность. И в этот момент пелена, которая до того туманила мой разум, вдруг спала. И я почувствовал всю ту боль, что накапливалась во мне всё то время, пока я был в отключке. В глазах потемнело, и кажется, я на мгновение потерял сознание. Во время краткого беспомыслия мне приснился странный сон, значение которого я пойму чуть позже; а снилось мне, что я в тамбуре поезда пою песню про десантников, ну знаете:

...ломали нас, как спички на морозе
Но не ломались те, кто не умел ломаться...

Странно, во сне я пел, но в реальности я эту песню никогда не слышал. Чудно. Но вот я очнулся и, честно говоря, был не очень-то и рад этому. Всё было просто ужасно. Помимо чудовищного похмелья, я, видимо, пока спал на лавочке, отлежал правую руку и ногу, да так, что кровь начала возвращаться в чресла лишь спустя некоторое время, и возобновление кровообращения сопровождалось ужасными болевыми ощущениями. И всё это, накладываясь на абстинентный синдром, ввергло меня в пучину боли и ужаса. Я лежал на земле возле лавочки и тупо не мог подняться. Меня уже даже перестало волновать моё местонахождение. Я застонал от боли и отчаяния. Что же делать, блин? Я просто не знал, как быть. Тут я услышал шаркающие звуки, которые явно приближались ко мне. «Хоть бы это был врач из скорой», – подумал я. Но в ту самую минуту, когда я совсем отчаялся, я услышал, наверное, самое приятное, что вообще могло быть услышанным в ту секунду.

– У-у-у, брат, что-то ты совсем плох. – Пьяный голос был до боли знакомым мне. Большая тень заслонила мне белый свет. Я прищурился и не без усилий всмотрелся в нависшее надо мной лицо. Лё-шик. Это была физиономия Лё-шика, пьяная и что-то жующая, при этом улыбающаяся и такая близкая и родная моему сердцу.

– Ой, бля... – прохрипел я радостно. Он же спокойно уселся на лавку, с которой я недавно так позорно упал и начал невозмутимо выгружать из пакета всё его содержимое. Вытащив всё из баула, он поднялся и подошёл ко мне.

– Ну чё, вставать-то будешь или желаешь ещё понежиться в постельке?...

– Да пошёл ты. П-помоги лучше, гобуль окаянный.

Ко мне наконец-то вернулась способность говорить. Он улыбнулся неадекватной улыбкой, схватил меня за плечи своими могучими ручищами и резким рывком поставил на ноги. Я в очередной раз подивился силе, которой обладал этот лысый тролль. Голова немного закружилась, я пошатнулся, но устоял. Неровными шагами я подошёл к краю лавочки и начал остервенело растирать затёкшее тело и заодно критично рассматривать то, что стояло на сидухе. Ну, в принципе, набор был стандартный; Лё-шик называл его «аптечкой», правда, с расширенной закуской. Обычно в «аптечку» входили чекушка водки, двухлитровая баклажка пива и пачка сигарет.

– Пивас, пивас с утра меня сегодня спас, – пропел я алкопсалом, открывая баклажку.

– Спас на крови?

– Не. Бескровно, – улыбнулся я в ответ. Я присосался к горлышку и не отрывался, пока хватило дыхания. Лё-шик смотрел на меня с умилением.

– Ну как здоровьице? – мурлыкнул он.

– Иду на поправку, – довольно резюмировал я. Я и правда чувствовал себя значительно лучше, хотя в животе что-то предательски булькало. И тут я почувствовал резкий позыв. Меня скрутило, как никогда в жизни, и я, недолго думая, прыгнул за лавку и снял штаны. И тут из меня понеслось, как из рога изобилия. Эйяфьядлайёкюдль – исландский вулкан – просто отдыхает!

– Ой, ёптыть! – заорал Лё-шик, который не сразу сориентировался в ситуации, а когда увидел, что я творю, сгреб всё, что стояло на лавочке, и опрометью бросился прочь. Но не далеко. Он пересел на лавочку напротив и как ни в чём не бывало прикурил сигарету и сжевал бутербродик. Я закончил своё «грязное» дело и, почувствовав реальное облегчение, направился к лавочке, на которой восседал горный король. Я даже стал что-то насвистывать, что-то из классики, по-моему, как раз, кажется, «в пещере горного короля» Грига. И тут меня, как

громом, поразила мысль, о... – Где же это я, точнее мы? Вокруг был какой-то сквер; всё, как обычно, деревья, лавочки, дорожки грунтовые...

– Чувак, а мы где вааще? – беззаботно, потому как чувствовал я себя уже хорошо и, по сути, мне были и не так и важны мои географические координаты, спросил я и добавил жизне-радостным голосом: – Давай заодно и беленькой выпьем. – Лё-шик дождался, пока я разолью водочку по стаканчикам и кивком головы предложил выпить. Мы, конечно же, выпили.

– Ты серьёзно?! – строго спросил он. – Ну типа, «где мы» и так далее?

– Ну да. А что, это секретная информация.

– Ты гонишь, шоль, я не пойму.

– Чё ты жути, жути-то нагоняешь, сказать просто нельзя, что ли? – немного рассердился я.

Бывало такое за Лё-шиком, уж очень он любит длинные предисловия и прелюдии.

– Бля! Да мы в Питере, чувак! Только не говори, что не помнишь ничего. Ни Арбат, ни Люблинки, ни истерику Бэллы по поводу её сисек, которую, кстати, ты и спровоцировал, ни десантников в поезде и того, как ты у них скурил всю траву, а потом блевал в тамбуре, ни как мы орал песни про десантуру... – он всё говорил и говорил, а мне в это время в мозг поступали болезненные импульсы, которые реанимировали в памяти демонические образы. Я с каждым его словом всё больше погружался в мучительные воспоминания вчерашнего вечера и последовавшей за ним ночи; они открывались перед моим внутренним взором чудовищной силы сполохами и заставляли содрогаться всё больше и больше. К концу рассказа Лё-шика я почти что бился в конвульсиях и уже плохо понимал, что он говорит.

– ...А ты им: «такой я, мол. скурить могу хоть стог травы, а потом на мотоцикле домой поехать через всю Москву». А они не верили. Дураки. Так ты реально почти бокс афганки в одно жало сдул. Даже старший их и то ох...ел... – и он всё продолжал рассказывать про наши злключения, при этом поминутно прерываясь на хохот, ну, и чтобы хлебнуть пивка.

– Погодь, погодь, а с Бэллой что там приключилось? Я, честно говоря, Люблинки вааще не помню, – измученным голосом спросил я, в глубине души надеясь, что не обидел и без того ранимую Бэллу. Вообще, она девушка нервная и обижалась по поводу и без на всех и вся достаточно часто. То ли это её врождённая нервозность, то ли она слишком много нюхала и слишком мало спала и ела, но сиськи у нее просто супер; это я вам ответственно заявляю, как эксперт. А тут он говорит, что у неё истерика была как раз из-за сисек. Неужели я нанес ей удар в самое уязвимое место? Если так, то я просто неблагодарное животное, потому как сам неоднократно признавался Бэлле в том, что лучше сисек, чем у неё, нет ни у кого в этом мире, и что я готов на всё, лишь бы обладать ими... ну хотя бы время от времени. Что и происходило как раз время от времени, и чему я лично был несказанно рад.

– Да, чувак, не видать теперь тебе её сисек... Ну, в обозримом будущем уж точно, – подтвердил мои худшие опасения похмельный монстр. – Ты сказал, что у тёлки с Арбата сиськи прикольные.

– О чёрт! Чёрт! Чёрт! Ну как же так? – сокрушался я. – Постой, а мы – что? Всё-таки оприходовали эту арбатскую жабу, что ли? – Неожиданно, даже для себя самого, обрадованным голосом воскликнул я. Лё-шик покачал головой.

– Знаешь, браток, прикольный ты чувак, но вот эта твоя страстишка... – Он снова покачал головой.

– Ой, тип, обожаю просто, когда ты мне мораль читаешь, из твоих уст это звучит просто как чёрная месса, – парировал я. Он махнул рукой, выхватил из-за пазухи черный кружевной лифчик и начал размахивать им над головой, как лихой ковбой своим лассо перед тем, как заарканить очередного буффало.

– А, может, ты и прав, сиськи у нее и правда ништякулец, – весело орал он, пританцовывая возле лавочки. – А вот жажнули мы её или нет, я и сам не помню, – подытожил он незатейливый альманах нашей памяти.

Я улыбнулся и взял пузырёк в руки, тем самым намекая, что пора развеять мрачные мысли, которые на некоторое время овладели нашими умами, и продолжить нашу безумную вакханалию. Ну, раз уж мы в Питере, то и отступить уже некуда. Тут я подумал, что неплохо было бы отлить. Я отошёл на пару шагов и расстегнул ремень, благо, час был ранний, и никого, кроме нас, поблизости не просматривалось. Достав причиндалы из штанов (а достал я не только пенис, но и яички, просто, чтобы проветрить мошонку), я вдруг почувствовал что-то странное и, нагнувшись вперед, с изумлением обнаружил, что вышеуказанная мошонка, как раз повыше вышеуказанных же яичек, в самом, так сказать, узком месте, аккуратно перевязана волосом. Волос был обмотан несколько раз, а затем завязан на несколько узелочков, так что было очевидно, что само по себе это произойти не могло, кто-то явно постарался – и явно от души.

– Блин, чувак, ты посмотри на это! – воскликнул я.

– Ой, нет, ты знаешь, что-то у меня настроения нет, да и видел я уже, – улыбувшись, отвечал мне Лё-шик.

– Не-не, я тебе серьёзно говорю, тут ваще жара, – не унимался я.

– Да и я тебе тоже серьёзно говорю: голова у меня болит, не до того сейчас, сладенький, – и он чмокнул воздух в моём направлении. Тогда я, не без труда, отвязал волосок и, опорожнив мочевою пузырь, уже налегке подошел к своему Громозеке.

– Смотри, чем были у меня яйца обмотаны. Что думаешь, «чей туфля»?

– Агнес, проказница, – прищурившись, как Шерлок Холм, уверенно заявил Лё-шик. – Во даёт! Слушай, она, походу, к тебе равнодушна; да и вчера, когда ты про сиськи Бэлле говорил, она, по-моему, была рада.

Да, Агнес мне, конечно, нравилась, и, может быть, будь всё как-то по-другому, у нас могло что-то и получиться. Но, сука, нет!

– Слушай, а конкретней ты можешь сказать? Ну, где мы в Питере? – спросил я после того, как мы бахнули и немного закусили хлебом с нарезкой.

– Дорогие гости Санкт-Петербурга! Мы рады приветствовать вас в нашем замечательном городе, осмотр, которого мы начинаем с Некрасовского сада. Основной достопримечательностью данного сквера, вне всяких сомнений, является памятник великому русскому писателю Николаю Некрасову. А так же с некоторых пор наш любимый сад украшает ещё и огромная куча говна, которая является произведением неизвестного автора, – закончил он презентацию голосом экскурсовода.

Я же встал с лавочки и поклонился невидимой публике. Под общий хохот мы залили ещё по полтинничку.

– Это было круто! – похвалил я лысого монстра. – А время сколько, кстати?

– Не знаю точно. Часов семь утра.

– О! Кабаки уже должны открываться.

– Это ж Питер, чувак, они тут ваще не закрываются, – словно эксперт-микробиолог сказал Лё-шик и поправил несуществующие очки на своём красном носу.

Мы быстро допили оставшуюся синьку, убрали в рюкзак недоеденную закуску и отправились шариться по городу.

Развезло нас хорошенько. Ещё бы, на старые-то дрожжи. Погода была шикарная (для Питера, конечно), поэтому мы просто бродили вдоль каналов и вели непринуждённую беседу, в ходе которой проводили сравнительный анализ сходства и различий двух столиц. Я всё сокрушался, что совсем не вижу урн для мусора и просто вынужден выбрасывать отходы в неустановленных местах. Лё-шик же, в свою очередь, сетовал на то, что почти всё, кроме Невского, пришло в запустение, и что стоит отойти от центрального проспекта Северной Пальмиры на

двести метров в любую сторону, а особенно, если углубиться в знаменитые питерские дворы, то создается такое впечатление, что война здесь закончилась лишь накануне нашего приезда, а не полвека назад. В общем, мы перевоплотились в эдаких столичных снобов, которые только и умеют, что критиковать и третировать всё на свете, кроме своей ненаглядной златоглаво-белокаменной. И всё-то у них не то, и всё-то у них не так, да и вообще типа того. И, заболтавшись, мы и не заметили, как оказались возле очередного канала, но что-то привлекло наше внимание; что-то, заставившее нас прервать высокоморальные бредни. А было это плавучее кафе, которое безмятежно покачивалось на речных волнах. Оно было не оборудовано, по сути, платформа с лавочками и каркасом, на который, видимо, натягивался навес от дождя, и неким подобием барной стойки.

– О! То, шо надо! – воскликнул Лё-шик. – Ща пивка возьмём и тут зависнем.

– Добро, – откликнулся я, радуясь долгожданному привалу.

Он быстро слетал в магаз, как говорят в Питере, пешеходной доступности, и купил четыре бутылки пива местного производства.

– Чего пить, того не миновать, – весело подытожил я после того, как увидел содержимое бумажного пакета, который притащил пещерный тролль.

– Питер, блин, – в бумажных пакетиках бухло продают, природу, мать её, берегут.

Мы комфортно расположились на сидухах плавучего кафе. Оказывается, я испытывал очень сильную жажду, потому как первую бутылку выпил почти что залпом; мой незадачливый спутник осушил первый снаряд ещё быстрее меня. Откупорив по второй, мы решили оглядеться и обшарить подведомственную территорию. Пока Лё-шик копошился за барной стойкой, я решил проверить швартовы и с удивлением обнаружил, что платформа привязана двумя тросами к кольцам, торчавшим прямо из набережной, просто на узлы, без каких-либо дополнительных крепежей. И тут же маленький чёртик, точнее один из целого сонма чёртиков, проживавших в то время в моей голове, который, судя по всему, отвечал за косипоры с плавучими кафе, незамедлительно приказал мне отвязывать эти самые канаты, а так как возразить ему было некому, я сразу же бросился выполнять приказание. Увидев, что я делаю, Лё-шик мгновенно включился в работу, и мы в четыре руки быстренько отшвартовали плавучую платформу. Лё-шик метнулся к лавочке и резким движением оторвав от неё две доски, кинул одну из них мне.

– Отталкивайся, – крикнул он и упёрся доской в каменную кладку. Я сделал то же самое, и мы поднажали изо всех сил. К нашему неописуемому восторгу, судно сдвинулось и со скрежетом отделилось от набережной. И мы на плавучем кафе поплыли по каналу в центре Петербурга. От одной мысли об этом кружилась голова. Я понимал, что отчубучили мы уже знатно, хотя и не прошло двух часов с тех пор, как я проснулся в Некрасовском саду, а тут хоп! – и мы плывем по каналу на угнанном плавучем кафе. Вот это расклад! О таком и мечтать поначалу было нельзя!.. Предвкушение грядущих приключений пьянило хлеще алкоголя, а с учётом того, что я был и так уже бухой в хлам, всё это суммировалось и ввергало меня в полный неадекват. Я скакал по платформе, как обдолбанная макака, цепляясь руками за каркас. Лё-шик был рад не меньше меня, правда, он вёл себя более сдержанно и даже успевал немного грести, используя оторванные доски вместо вёсел, тем самым увеличивая скорость нашего движения.

– Так, я нарекаю себя капитаном данного судна, объявляю его пиратским и призываю творить разбой и всякие непотребства во имя весёлого Роджера и морского дьявола, – провозгласил я, стоя на барной стойке и размахивая почти пустой бутылкой. Я явно пребывал в эйфории и упивался моментом.

– Эх, топлива мало, – удручённо произнёс мой старпом. Он огляделся вокруг, как будто бы надеясь увидеть, что-то алкогольное. Его явно озадачивало отсутствие бухла, хотя мы были изрядно заряжены, и это ещё мягко сказано.

– Бля, чувак, не обламывай кайф. Наслаждайся моментом триумфа; будем потом в обзвоннике вспоминать, – кричал я сквозь хохот.

– Всему своё время, друг мой, – проговорил пьянчужка, заплетающимся языком. – Давай-ка осмотримся и подумаем, что делать дальше.

– Ишь ты какой! «Подумаем». Ты чё думать сюда приехал или косорезить? Хорош мозги пудрить, – заливался я безумным смехом; чердак мне сорвало конкретно, и я понимал, что дело кончится чем-то особенно жёстким.

Скорее всего, Лё-шик тоже это понимал, но виду не показывал, а наоборот, старался выступать в качестве разумного противовеса моим психо-закидонам. И тут мы увидели мост, который лежал на пути нашего следования, но приколом в том, что арка моста была очевидно ниже, чем высота каркаса нашего «корабля». Ситуация приобретала опасный оттенок и грозила вылиться в реальную катастрофу. Нужно было быстро принимать решение. Спасаться вплавь, откровенно говоря, очень уж очень не хотелось.

– Давай к берегу, – крикнул я и схватил импровизированное весло, выводя своего спутника из минутного оцепенения. Мы остервенело начали грести и очень быстро приблизились к набережной, благо канал был весьма неширок. Но возникла следующая проблема: набережная канала была достаточно высокой, плюс чугунный заборчик тянулся вдоль всей её протяженности, нужно было лишь подпрыгнуть, чтобы зацепиться руками за его верх. Лё-шик схватил канат, точнее его часть, и зачем-то сунул его в рюкзак.

– Давай, дядь, прыгаем, – крикнул он. И мы прыгнули и повисли на заборе, а платформа, стукнувшись о камни и слегка развернувшись, поплыла себе дальше на встречу со своей судьбой в виде невысокого моста. Не без труда мы выбрались на набережную; малочисленные прохожие, которые находились неподалёку, были весьма озадачены нашим неожиданным появлением. Мы вроде как вылезли из реки, но при этом были сухие; странно это, наверное, выглядело. Интересно, что подумали эти люди в тот момент? Хотя нас-то в то время это как раз совершенно не заботило; мы торопились покинуть место преступления и, несмотря на мои уговоры посмотреть, как кафешка врежется в мост, Лё-шик увлёк меня в первый попавшийся подъезд, а точнее, парадняк, как говорят в Питере. Парадное оказалось сквозным, и мы вышли во двор-колодец – классический вариант для этого города. Поблуждав немного в каменном лабиринте и ещё раз подивившись обшарпанности и убитости, царившими внутри, мы выползли на какую-то улицу и там, как ни в чем не бывало, пошли прогулочным шагом куда глаза глядят.

– Ну чё, какие планы? – поинтересовался Лё-шик. – Есть идеи, кроме покупки топлива?

– Пойдём в зоопарк, – неожиданно предложил я, – ну или в Кунсткамеру.

– Неплохо, как раз тебя там оставляю, – улыбнулся мой добродушный огр.

– Ха-ха, только вначале давай пожрём что-нибудь, а то как-то голодно. Ну и выжрем, конечно же.

На жратву решили не тратить, так как деньги начинали кончаться, благо можно было похавать на халяву.

В то время имелось одно местечко почти в центре, где бесплатно, я так понимаю, в благотворительных целях, кормили людей. Там обычно тусовались всяческие маргинальные личности, но в основном неформалы, а реальных бомжей почти не было, видимо их периодически прогоняли оттуда. Нашли мы эту тему ещё тогда, когда оказались там в первый раз с Киной и Обжорой. Нам его присоветовали какие-то хиппари, которые ехали автостопом через Питер. Так что мы спокойненько нашли это самое место. Располагалось оно в глубине самого обычного питерского двора. На заборе рядом со входом сидела небольшая, но довольно-таки разношёрстная компания; кто-то играл на гитаре, кто-то пел, пахло травой; ну, в общем-то, царил атмосфера классического сквота. Мне показалось, что высокий парень, который пел громче всех, мой знакомый и прозвище его было Грин. Я хотел было подойти, но Лё-шик потянул меня

за рукав и заташил внутрь плохо освещённого помещения. Странно, но внутри народу оказалось меньше, чем снаружи. Мы взяли пластиковые тарелки и ложки и направились к стойке. За ней стояла девушка, как мне показалось в тот момент, необычайной красоты. Она явно была толкинисткой, её выдавал хайратник и татуировка на запястье. Эльфийские руны, наколотые кустарным способом, опоясывали её руку чуть ниже локтя. Она большим половником разливала похлёбку страждущим. Когда пришла моя очередь и я дождался, чтобы похлёбка оказалась в моей тарелке, я слегка склонил голову и улыбнулся.

– О Элберет Гилтониэль, с небес глядящая насквозь... – продекламировал я.

– Открой ворота облаков, в сиянье синих звёздных слёз! – пропела она красивым и высоким голосом. Вы знаете, многие толкинисты, и вправду, очень хорошо поют, особенно всяческие эльфийские баллады. Но она пела просто божественно; если бы я был под дурию, то, наверное, поверил бы, что она эльф, ну или хотя бы наполовину; по-моему, полукровки называются «эльфинитами». Вообще, толкинисты народ особый, к ним и подход нужен соответствующий. Они в основном делятся на несколько видов. Не скрою, что прочитал наверное все произведения профессора Толкиена и, конечно же, тоже подпал под литературные чары мастера, и до сих пор считаю, что его серия книг, посвящённых Средиземью, – одно из самых интересных и захватывающих чтив, что мне приходилось читать в жизни. Просто шикарная вещь! Совсем не то, что вы читаете в данный момент. Ну да ладно, не буду вдаваться в долгие хвалебные речи, просто всем советую ознакомиться. Ах да, вернёмся к классификации «толчков». Как я уже говорил, книги настолько захватывающие, что многим особенно впечатлительным крышу сносит на раз-два. А в той среде, особенно впечатлительных, как раз большинство. Ну так вот, именно по степени сноса крыш я их и квалифицирую, так сказать, по шкале от «мне просто интересно, а чё тут такое?» и до «да вы что, я реально Эльронд». Девочка была где-то чуть выше середины по той шкале и жила скорее в пригороде Гондора, чем Питера, да и к реальности относилась, скорее всего, как к телепередаче. Знавал я таких немало. Это обычно милые и безобидные люди, очень приятные в общении интеллектуалы, начитанные и весёлые. В общем-то, мне они нравились и не только девчонки, но и парни были нормальными, ну в смысле выпить с ними эля или чего покрепче. Мы как-то на Эгладоре в Нескучном саду впряглись за них и схлестнулись с местными гопниками, которые повадились было тиранить беззащитных ботанов и были весьма удивлены, встретив вдруг ожесточённое сопротивление. «...и были они обращены в бегство, бросив раненых на поле брани». Помню, как Саша Моррисон сломал мой тубус о голову кого-то из того стада быков, а тубус, между прочим, классный был, советский, от родителей достался. Ну и я кому-то перемкнул хорошенько гриндером по хребту. Там даже скорую пришлось вызывать, благо больница рядом была, и менты приезжали, но их мы дожидаться, конечно же, не стали. Ну, короче, с толкнуемыми отношения у меня были супер: я любил, понимал и уважал их, а они отвечали мне взаимностью, потому как люди они сенсорно-восприимчивые и такие вещи всегда чувствуют. Самое главное – никогда не стебаться над их убеждениями, по крайней мере в глаза, потому как за глаза, иногда волей-неволей проскакивает, особенно над их верой в то, что они живут в лучших и волшебных мирах, а не в Подмоскovie конца 90-х – начале нулевых. Честно говоря, я бы и сам был не против переехать в уютный коттедж под Ривенделлом или в просторную двушку в центре Минас Тирита и в командировки гонять в Изенгард, а в отпуск – на курорт Серебристая гавань. Но, сука, нет, придётся всё же жить в нашем дерьмовом мире и барахтаться, как и все остальные, в этом грёбаном муравейнике.

– Я – Кендр, – просто сказала она.

– Я – Джин из Чертогов Мандоса, – представился я своим толкинистским именем. Не удивляйтесь такому странному имени; просто перед тем как покреститься на Мандосе, мы с одним чуваком, по-моему с Савой, конкретно убрались джином с тоником (помните, продавали такой напиток в полуторалитровых баклажках и пойло было то ещё). И, придя в цари-

цынский лесопарк в состоянии полного аута, на вопрос духовника о том, какими именами нас наречь, мы хором ответили по сути единственное, что могли выговорить в тот момент, а было это «Джин-Тоник», и с тех самых пор так и звались. Я – Джином, а Сава – Тоником; правда, Саву я с тех пор, по-моему, и не видел. Итак вернемся в город на Неве. И вот я, глядя ей прямо в глаза своим разноцветным взглядом, так как глаза у меня с детства разных цветов, и положи правую ладонь на сердце, склонил голову так, чтобы прядь длинных волос, заплетённая в косичку выскочила из-за правого уха, куда я её обычно заправлял, и повисла сбоку; уж не знаю почему, но этот приём всегда срабатывал с девочками из толкинистской тусовки. Наверное, я в этот момент был похож на Дунадана – странствующего рыцаря из древнего Нуменорского рода. Не исключено, что это было именно так. Она была впечатлена и улыбнулась мне широкой, искренней улыбкой.

– Так, млять, мне-то пожрать дадут? – старческим голосом вмешался в нашу идиллию мой недалёкий друг. Он подтолкнул меня вперёд, а сам с недовольным видом, поглядывая недобрый взглядом то на меня, то на очаровательную Кендр, направился в глубь помещения, бормоча на ходу что-то неразборчивое. Мне даже показалось, что он говорил на языке орков, и я на какое-то мгновение провалился в некое подобие морока. Затемнённое помещение, которое я осматривал затуманенным взором, напоминало таверну из фэнтези-города, эльф-полукровка за стойкой, бормочущий и недовольный орк в углу машет мне своей лапой и голос менестреля, доносящийся с улицы... Не хватало только колдуна, курящего трубку в самом тёмном месте трактира, хотя травой пахло всё сильнее и сильнее. Я помотал головой из стороны в сторону, и видение исчезло, хотя я бы предпочёл, чтобы этого не происходило. Реальность настигала меня, словно неизлечимая болезнь, которая на какое-то время отпускает под натиском лекарств, но неизменно возвращается после прохождения курса лечения.

– Э-эх! – в сердцах воскликнул я. – Тоскливо мне, братское сердце, что это я вытворяю-то, а?

Я так и стоял посередине зала с тарелкой в руках и вопрошал, по сути, сразу ко всем, кто находился внутри. Сидящие люди обернулись и посмотрели на меня, а я как будто прирос к полу и не мог сдвинуться с места. Повисла какая-то зловещая тишина, и казалось, что вот-вот должно произойти что-то ужасное, ну мне, по крайней мере, так казалось. Наверное, крыша начала ехать или, наоборот, назад возвращалась.

– Ну, эк тебя переключило-то, чувак, – сказал высокий парень, стоявший в дверях. Это был тот, про которого я думал, что его Грином кличут. – Ну-ка пойдём со мной, – поманил он меня на улицу. Я так с тарелкой в руках и вышел. Не успел оглянуться, как чувак задул мне такой паровоз, что у меня глаза на лоб полезли. Но болезненная паранойя отступила вместе с гнусной реальностью. Я ловко перехватил косяк и сделал подряд несколько глубоких затяжек, потом начал ужасно и громко кашлять; – вообще странно, я траву курил достаточно часто и давно, но кашель за эти годы так и не ушел.

– Выдыхай, бобёр, – хлопал меня по спине и приговаривал Гриня. Конечно же, это был он. Да и Грином его прозвали за любовь к зеленому растению.

– Грин!?

– Он самый, – улыбнулся он. – Где мы с тобой дули?

– На Чистых, зимой, а потом в Мандосе, в Царицыно, с гномами какими-то. Фили, Кили, Балин и Двалин, – хихикая, произнёс я. Грин тоже уже ржал во всю.

– Да, точно, я тебя вспомнил, это ты какой-то стишок тогда сочинил про курево.

Курил я много в этой жизни
Ещё не раз я покурю
Курить я буду по-любому,
Ведь так курить её люблю.

– продекламировал я сдавленным от смеха голосом. Грин хохотал навзрыд. Тут появился Лё-шик с довольной рожей и сразу же присоединился к нам в воскурении. Мы покурили ещё, постояли минут двадцать и позагоняли раста телеги. Поугорали от души, но пришло время двигаться дальше. Ведь барагозы сами собой не накосячатся.

– Куда вы теперь? – спросил Грин, глядя на нас красными, ничего не понимающими глазами.

– Мы – бухать и косорезить. До заката должны разнести этот город, – отрапортовал я.

– У-у, синька!.. Это нет, не моё, – подытожил Грин.

– Ну, тада бывай, брат, не поминай лихом, да хранит тебя бог Канубис, – попрощался я, и мы с обкуренным циклопом отправились навстречу новым приключениям. Причём я, кстати, так и не поел.

– Давай вначале в зоопарк, пока не попустило, а уже потом в Кунсткамеру. А хотя можно и наоборот, – пространственно рассуждал я, помахивая пластиковой вилкой. – Бля! А где тарелка с хавчиком и тёлочка Кендр? Ой-ёй-ёй... – я обхватил голову руками и вроде даже по-настоящему огорчился.

– Да, чувак, уж если что и может оторвать тебя от тёлок, то это дудка, – заржал Лё-шик, словно дикий единорог.

Он долго не мог унятьсья, у него было некое подобие истерики. Я в этот момент начал озираться по сторонам, как будто надеясь увидеть бегущую за нами девушку-эльфа с тарелкой вкусной похлёбки в придачу.

– Даже не думай об этом, – как будто читая мои мысли, проговорил Лё-шик.

Я махнул рукой, тем самым давая понять, что смирился с произошедшим. Хотя, конечно, девушку я продинамил, и продинамил зря: хорошая девчущка; никогда мне с ней больше не увидеться. Жаль! Пряма вот – жаль-прежаль! Ну да ладно, как говорил Козьма Прутков, «нельзя объять необъятное». И мы пошли в зоопарк транзитом через магазин «Продукты». Там мы затарились по полной программе: водка, пиво, закусь и минералка на запивку.

– Давай во двор зайдём и там накатим уже, – предложил запыхавшийся Лё-шик.

– О, точняк, давай, заодно и отольём, – быстро согласился я.

Мы свернули в первый попавшийся рукав. Двор находился в ужасном состоянии, всё было ободрано и загажено. Не просматривалось ни одной лавочки, и мы просто встали посередине колодца.

– Да уж, хорошо, что сейчас тепло, – сказал я и поёжился. Ох уж мне эти питерские дворы. Их надо обязательно увидеть каждому, увидеть и забыть. Я быстро откупорил бутылку, потому что задерживаться здесь совсем не хотелось. С закуской тоже морочиться особо не стали по той же причине. Пиво решили пока не трогать. Я отломал горбушку от буханки и застыл со стаканчиком в руках, смотря на копошащегося в своём рюкзаке Лё-шика.

– Давай скорей уже, а то ссать охота, – подгонял я его нетерпеливым тоном.

– Ну иди посы, а потом накатим спокойно, – бросил он в ответ. Я отошёл в сторону и встал лицом к стене. Затем расстегнул молнию на джинсах и сосредоточился на предстоящем процессе. И тут по закону подлости или, как говаривал один знакомый, «по принципу западла», откуда ни возьмись появилась какая-то тётка весьма неприглядного вида. Я оглянулся на неё, но журчание уже началось, и остановить его не было никакой возможности. Тётка тем временем подошла ближе и остановилась в двух шагах от меня.

– Ты чё? – спросила она.

– Чё, чё – дричичо, – ответил я.

– Ты чё, не знаешь, что ли, что приличные люди ссут в парадной, – сказала она заплетаящимся языком. Она, конечно же, была в говно. Вообще, в Питере, как я понял, не так-то просто встретить трезвого человека, если это не мент, конечно же.

– Нет, не знал, я же из Москвы.

– Ну ты и хмырь, – брякнула она и, повернувшись к Лё-шику, повторила оскорбление, но теперь направленное к его персоне. Затем она медленно и с достоинством удалилась. Я проводил её взглядом и посмотрел на дружбана. Он с ничего не понимающим видом стоял посреди двора со стаканчиком в руке.

– Это чё такое было? – спросил он. Я подошёл к нему и взял свой бокал.

– Да забей, это питерский персонаж, очередной и явно не последний.

– Ну тада давай накатим. За персонажей.

Мы подняли стаканы, чокнулись и залили топливо в бак. Я понюхал горбушку, откусил кусок и понял, что есть хочу очень прилично, но делать это в таком месте было выше моих сил. Я начал подгонять своего алкоспутника, чтобы поскорее покинуть столь ужасное место. Мне кажется, это был самый ужасный двор во всем Питере, потому как ни до этого момента, ни после я ничего более стрёмного в Северной Пальмире не видел.

– Скорее покинем это ужасное место, – взмолился я, – на меня здесь мрачнюк какой-то нападает.

– Идём, идём, не мороси уж, – снисходительно улыбнулся он. – Хотя я думал ещё по псяряку и тогда... Но если вашему высочеству тут претит, тогда да.

Сделав реверанс, Лё-шик побежал в арку, по-детски припрыгивая и звонко смеясь. Это, и в правду, выглядело до жути забавно; я тоже засмеялся и устремился за ним. Шли мы быстро, и зоопарк приближался неотвратно. Упомяну лишь, что мы сделали ещё одну остановку и хлопнули по рюмашке, но всё произошло практически на бегу и ничего примечательного за это время не случилось.

И вот мы у цели. Врата, кассы и вход. Но вот незадача – внутрь нас почему-то наотрез отказываются пускать. Хотя, в принципе, я чего-то подобного где-то в глубине души ожидал. Лё-шик тоже не сильно возмущался. Хотя он вообще любитель вступить в конфронтацию, но здесь как-то спокойно отступил. Я сразу понял, что он отступил лишь временно, но последний маневр оставил за собой. Слишком хорошо я его знал, поэтому просто последовал за ним, когда он уверенным шагом направился вдоль забора. Он шёл и шёл, не останавливаясь; я едва поспевал за ним. Сцена напоминала советский мультфильм про Винни Пуха.

– Дай пивка, а? – сказал я ему в спину. – А то я запыхался уже и вообще, что происходит? Ты чё, реально хочешь через забор перемахнуть? Он же метра три, наверное, ещё и штыри сверху.

– Спокойняк, у меня на этот случай припасено средство, – сказал он и, вытащив баклажку с пивом, протянул её мне.

– Спасибо, конечно, но пиво вряд ли нам поможет миновать забор, – отхлебнув, вымолвил я.

Он же продолжал шуровать внутри рюкзака. И наконец, вытащил оттуда канат, прихваченный им с плавучего кафе. Лё-шик просиял и принялся вязать какой-то узелок.

– Да! – восхищённый его прозорливостью произнёс я. – Ты прям как в воду глядел.

– Тебя, как я вижу, не попустило ещё, – улыбнулся он. – Дай-ка хлебнуть.

Он надолго прильнул к горлышку; баклажка сжалась в его руках, как будто от страха, а его кадык угрожающе подскакивал после каждого исполинского глотка. Я, словно замороженный, смотрел на это. Наконец он отлепился от бутылки, баклажка вновь распрямилась, жалобно вдохнув воздух, который так варварски вместе с доброй половиной содержимого вобрал в себя синий великан. Он же издал подряд несколько странных звуков, похожих на те, что издаёт зависший компьютер. Затем он отхлестал себя по щекам и ущипнул за сосок. Я, глядя на это,

продолжал находиться под гипнозом его действий, просто ожидая дальнейшего развития событий. И вот все ритуалы были совершены, и он, а, судя по всему, и я, были готовы совершить следующее административное правонарушение. С первого раза получилось набросить лассо на штырь. Я оттолкнул Лё-шика и ухватился за канат. Затем подтянулся и без особого труда забрался на ограждение; штыри вверху на проверку оказались не такими уж и страшными. Приняв пакет и рюкзак у нижнего, я спрыгнул на землю по другую сторону забора. Немного недооценив расстояние, я не удержался на ногах и, отскочив от земли, словно баскетбольный мяч, полетел головой вперёд сквозь какие-то заросли. Упав, я немного полежал и подумал о происходящем, но, не найдя ничего предосудительного, встал на ноги и огляделся. Место было просто идеальным для необузданных возлияний. Склон выглядел достаточно пологим, но имел небольшой уклон градусов в двадцать; на таком было довольно комфортно возлежать ногами к воде. Ах да, вода, – прелестная, неширокая речушка, видимо, искусственного происхождения, изящным изгибом облегла холм. Кусты, которые я миновал, закрывали нас от недоброжелательных взоров извне, а стена из высоких вязов, осин или типа того, не важно каких пород, главное, высоких деревьев, оберегала от внутренних угроз. Это был, по сути, был оазис для ищущих уединения и спокойствия. И в довершение картины на воде показались лебеди. Они величественно, как и положено королевским птицам, проплывали мимо, не издавая при этом ни звука, и совсем не нарушая, а, напротив, завершая картину безмятежной гармонии. Какая красота! Лё-шик, как обычно, бесцеремонно вторгся в идеалистическую картину созерцания одиночества.

– О, зашибись точка, – тоже оценил он увиденное. – Забухаем прямо тут.

– Да что ты говоришь? – немного рассердился я на него за то, что он нарушил мою медитацию. Но так как долго злиться на такого милашку было нельзя, я примирительно достал из пакета водку. – Знаешь, в Великобритании все лебеди считаются собственностью королевы.

– Да!? И нападение на лебедя короля – это тоже самое, что и на самого короля, – пошутил он и протянул мне стакан.

Мы быстренько выпили по одной и затем со спокойной душой принялись обустроиваться. Расстелили газетку, которая очень неожиданно нашлась в рюкзаке Лё-шика. я ещё раз про себя похвалил его за предусмотрительность; и когда он успеваешь? – ума не приложу. Ну, в общем, расположились с комфортом, по всем правилам фен-шуй. Нарезочка, майонез, батончик чёрного, корюшка, небольшая банка слабосолёной сельди и, конечно же, напитки. Вот и пластиковая вилка, которую я так и не выкинул, пригодилась: ею как раз очень удобно выуживать сельдь из банки. И вот мы, полулёжа, как патриции на пиру у Калигулы, вкушали яства и напитки различной крепости. Лебеди уже в который раз дефилировали перед нашими взорами, создавая непередаваемую атмосферу. В общем, всё было просто идеально, даже слишком. Постепенно становилось скучно, так как уже больше часа ничего не происходило.

– Да, сюда бы с тёлочкой, а лучше с двумя, – задумчиво произнёс я.

– Кто о чём, а вшивый о бане. Чувак, вот как так-то, а? – сказал Лё-шик.

– Эх, был бы ты бабой, цены б тебе не было.

– Был бы я бабой, ты б меня тогда точно в покое не оставил бы. Да?

– Да, сто пудов, трахнул бы на следующий день, уж поверь мне, – кивая головой, пробубнил я ему. – Но справедливости ради добавлю, что будь я тёлкой, то тебе бы первому дал, а Кире – второму, а Обжоре ваще бы не дал.

– А Кислому дал бы? – улыбаясь, спросил меня Лё-шик.

– Кислому? Хм. Дай подумать. Да, думаю, дал бы, но не сразу. Вначале мозги бы ему повыносил, как он нам. Мы посмеялись, а потом Лё-шик вдруг сказал:

– А-а не очень ли странный у нас разговор? Нну, ты понимаешь, о чем я?

– Да не, не парься мы ж так, просто. О! Кстати, раз уж мы Кислого вспомнили, давай споём. Нашенскую с ним.

Мы поднялись на ноги и начали хлопать в ладоши до тех пор, пока не синхронизировались и у нас наконец-то стал выходить, более-менее, мотивчик, напоминавший старые ирландские песни. И хлопаем мы, ну, знаете, шлёп, шлёп, шлёп-шлёп-шлёп и начинаем горланить:

В каком-то мутном городке,
Где жил престранный люд,
Никто не делал ни хрена,
Всё пьют, и пьют, и пьют.
Однажды к ним верховный жрец
Явился из былин;
Сказал: «Кто пьёт-тот молодец,
Но не должен ты пить один».

(Тут идёт припев, который просто поётся в виде «ла-ла-лалала-лалалалала», ну как в ирландских «дринкинг сонгс».)

Откликнулся на тот призыв,
Стал правою рукой,
Визирь, любимец пьяных дам
С пробитой головой.,
Шатался он и хохотал,
Но пил не меньше всех.
И вот пришли к нему домой
Веселье и успех.

(здесь снова припев)

С тех пор прошло немало лет,
Что видим мы теперь?
Как толпы пьяных дураков
Стучатся в нашу дверь.

Мы ещё какое-то время пели припев и танцевали джигу, а потом просто кружились, взявшись за руки... Как же это невообразимо приятно – петь песни про себя же самих, своего же собственного сочинения. Да, мокротное творчество заслуживает отдельной главы в повествовании, но как-нибудь в другой раз. Хотя кое-какие пояснения, думаю, нужно предоставить. Мокротное творчество – это не что иное, как наш, пусть местечковый, корявый, самонадеянный, примитивный, местами даже убогий, но всё ж таки ответ гонзо-журналистике, и хочу подчеркнуть, что это именно ответ, а не интерпретация, вариация на тему или тупо закос, которыми грешат слишком многие, обрекая этот не до конца исследованный жанр на опосеение и коммерциализацию. Порой просто зла не хватает, когда видишь очередного напыщенного мажора, который рассуждает о гонзо-журналистике, при этом ставя себя в один ряд с теми, кто знает кем, ну не чмошник, таких я называю чванливыми мракобесами окуевающими от собственной невь...бенности. Мокротное же творчество, – это нечто иное, хотя определенное сходство с гонзо имеется, в основном в подходах и стремлениях, хотя и тут можно поспорить. Официального определения такому явлению, как «мокротность», не существует, а вот тезис имеет место быть. Забавно! правда ведь? Я думаю, что в этом противоречивом дуализме и скрыта основная концепция «мокротного творчества». И, конечно, то, что пишу я, – это не оно. я лишь иногда использую фрагменты, потому как у мокротного творчества не может быть

авторства. Это в основном потому, что никто не может потом вспомнить, кто и когда придумал и материализовал то или иное произведение. И кстати, не обязательно быть одним из мокротных братьев, точнее наоборот, если ты являешься приверженцем такого способа творить или вытворять, то, скорее всего, состоишь в братстве, просто тебя туда ещё официально не приняли, но душой ты уже с нами, и этого никто не сможет изменить. Данное явление не только вобрало в себя все классические виды творчества, но и породило совсем новые, доселе невиданные проявления, такие, например, как «непроизвольное структурирование» и «говноживопись». И то, и то, скажу я вам, очень перспективные направления, хотя, безусловно, приняты будут далеко не всеми, возможно даже, что кому-то они покажутся отталкивающими, но в целом в контексте времени очень актуально. Да, конечно же, о таком предмете можно говорить бесконечно, но всё ж таки хотелось бы вернуться к описанию событий, которые на время были отодвинуты на второй план. А теперь самое время вернуться к нашим синим протагонистам, думаю, что они уже заждались.

На волне душевного подъёма мы схватили бутылку с водкой и допили остатки, по очереди прикладываясь к горлышку. затем та же участь постигла и пиво. Я же решил, что надо как следует подкрепиться и доел остатки еды, что поначалу положительно отразилось на моём внутреннем состоянии, но, по сути, сыграло со мной очередную злую шутку.

– Чувствую вдохновение, пойдём в Кунсткамеру скорее, – закричал верховный жрец.

– Да вперёд, мать-перемать, – вторил я ему, – только по дороге в кабак какой-нибудь зайдём, пивка хлопнем. – И мы двинулись в путь.

С невероятной лёгкостью преодолев забор, мы продвигались к своей цели, хотя, знай я наперёд, какова будет развязка, я бы, наверное, не стал так торопиться. И вскоре нам на глаза попался подходящий шалман с летней верандой. Мы уселись за пластмассовый столик и заказали по пиву, и порцию чипсов. Через пару минут нам принесли холодное пиво в пластиковых стаканах и чашу с чипсами. Пришло время насладиться барной культурой северной столицы. И не успел я подумать про что-нибудь культурное (хотя это было, не очень просто, учитывая моё состояние), как сопровождающий меня человек-крендель выдвинул идею.

– Давай убежим, – предложил он пьяным, как ему казалось шёпотом. Я не успел ничего возразить и уже машинально готов был подорваться, как опытный и что-то заподозривший, а может, просто услышавший последние наши слова официант подошёл и потребовал рассчитаться, что, конечно же, пришлось сделать. Он смотрел на нас не то, чтобы строго, скорее, с укоризной, как бы говоря нам: «ну что же вы, парни, такие мелочные, уж если и намерились проверить такую штуку, как убежать из бара, не расплатившись, то хотя бы сделайте серьёзный заказ, мясо там какое-нибудь с коньяком, а тут, тьфу! пара пива с чипсами. Мне, прям, ей-богу, стыдно за вас, ребята; я-то думал, что у вас масштаб покручинистей будет». И, прочтя всё это в его взгляде, мне тоже стало как-то противно и мерзко; я взглянул на Лё-шика, а он отвёл взгляд в сторону, понимая, как низко пал. Но нет худа без добра; мы спокойно допили пиво, затем заказали ещё по одному, как бы тем самым стараясь реабилитироваться за наш неудачный побег. Помню, как попросили пепельницу, и мне кажется, что я тоже курил сигареты, а значит, был уже в совершеннейшее говно, так как в более трезвом состоянии никотин вызывал у меня отторжение. После таких возлияний мы, конечно же, воспользовались «в-ноль-транспортной»; это когда ты – раз! – и в совершенно другом месте, без всякого там гиперпространства. И вот мы на пороге Кунсткамеры. Билеты уже куплены, перед глазами всё плывет, и я в шаге от ужасного позора; и нет бы замедлиться, погодить часок-другой, всё полегче бы стало, но, сука, нет!

Дальнейшие события восстановлены со слов свидетелей, в основном Лё-шика, и, конечно же, полную картину произошедшего вряд ли вообще удастся получить. Можно, конечно, попробовать найти тех людей, кто в тот момент работал в Кунсткамере, и опросить их... но как вы себе это представляете – спустя, чуть ли, не двадцать лет заявиться к пожилому человеку

и начать расспрашивать его о том, какой ужас ему пришлось испытать благодаря мне... Хотя вполне возможно, что он кое-что и вспомнит, потому как произошедшее явно можно отнести к событиям «из ряда вон». Но как бы не послал он меня куда подальше даже и через двадцать лет, потому как последствий случившегося я доподлинно не знаю. И хочу заранее извиниться за обрывочность повествования.

Начнём с того, что нас почему-то пустили внутрь, хотя состоёс был просто нулевой, но в тот момент меня это не удивило; в тот момент меня реально даже апокалипсис бы не удивил. Пройдя предбанник, мы попали в просторное, хорошо освещённое помещение. Слева от нас находился гардероб, а по правую руку, по-моему, магазин с сувенирами; перед нами же возвышалась, по моему мнению, на тот момент очень крутая, мраморная лестница, по центру покрытая каким-то старым, с советских времён оставшимся, ковром. Я, подумав, что чем быстрее я преодолею лестницу, тем меньше мне нужно будет ломать голову над тем, как это сделать, и помчался по ней огромными прыжками, минуя две, а иногда три ступеньки за прыжок, тем самым слегка озадачив всех без исключения свидетелей данного спурта. Оказавшись на вершине, я оглянулся и увидел Лё-шика, стоявшего внизу и смотревшего на меня своими коровьими глазами; он был немного ошарашен моей неожиданно проявленной прытью. Я решил не ждать своего медлительного спутника и ринулся вперед, окрылённый своим промежуточным успехом. И да, я бежал, бежал прям бегом по залам выставки, уже ничего не соображая, просто крутился вокруг своей оси, чтобы, как мне казалось, успеть осмотреть все экспонаты, пока сознание не померкло и я не провалился в небытие. Немногочисленные посетители с удивлением смотрели на меня, когда я пробегал мимо. Там была вроде группа иностранных туристов с экскурсоводом и кажется, были это французы. Они стояли в каком-то из залов и внимательно слушали то, что рассказывала их русская сопровождающая. Я остановился возле них и, с понтом делая вид, что я что-то понимаю, тоже зачем-то принялся слушать. Но так как я был уж очень пьян и не мог чисто физически просто спокойно стоять на месте, то довольно скоро я начал отвлекать внимание гостей северной столицы от экскурсовода и вносить сумятицу в их стройные ряды. Русская экскурсоводша, взглянув на меня, тут же поняла, в чём дело, и вначале взглядом, а затем и характерными жестами попыталась отогнать меня от их стайки. Я же, почувствовав себя униженным, хмыкнул и, уперев руки в бока, стал пристально смотреть на экспонат, у которого стояла группа, тем самым давая понять, что я имею точно такое же право находиться здесь и просматривать те же самые выставочные образцы, что и остальные, заплатившие за билет; уж кто-кто, а французы должны это понимать, раз уж они так помешаны на равноправии и либеральных ценностях. К слову сказать, группа состояла в основном из людей пенсионного статуса, но были среди них две женщины бальзаковского возраста, а для француженок это самый сок; так вот, они-то и были наиболее заинтересованы понаблюдать за тем, чем разрешится ситуация. Остальные старпёры уже начинали что-то там ворчать и на всякий случай очень тихо возмущаться про меж собой. Тут экскурсовод неожиданно перешла в наступление, морально поддерживаемая теми двумя эмансипэ чуть за сорок, которые, судя по всему, были на её стороне, и сторона эта выбиралась явно по гендерному признаку. Я, хоть и был пьян, но понял, что против них у меня нет шансов; и тогда я решил действовать по принципу Пьера де Кубертена, формулировка которого выглядит так: «в жизни главное не триумф, а борьба»; ну, в общем, я решил проиграть с достоинством. Не став дожидаться, пока тётка приблизится ко мне, я сделал глубокий реверанс, при этом слегка потеряв равновесие, крикнул: «Vive la France!» и был таков.

Я вновь бежал по бесконечным залам и лестницам, попадая во всё новые и новые помещения; голова кружилась, во рту пересохло; я вот-вот готов был упасть без чувств. Состояние было психоделическим, я не понимал, где нахожусь, а когда пытался сфокусировать зрение на чём-то, так как перед глазами уже давно всё плыло и кружилось, то видел ужасные экспонаты, которые, в свою очередь, довершали Босховский антураж. Я понимал, что, скорее всего, меня

начнёт тошнить и случится это уже в ближайшее время, но как отсюда выбраться, я не знал. Плюс ко всему я периодически проваливался в беспамятство, а когда приходил в себя, то был уже в другом, не знакомом мне месте Кунсткамеры. «Блин, с виду это не очень большое здание, но внутри столько всяких ходов и переходов, лестниц и спусков, что не мудрено затеряться в этом безумном лабиринте», – так я примерно думал в тот момент. Я, конечно же, пытался спросить у людей, встречавшихся мне по пути, где тут выход, но они либо шарахались от меня как от чумного, либо начинали отчитывать меня за моё же непристойное поведение. Дальнейшие события теряются в глубинах памяти и дымке времён; о них мне поведал Лё-шик, значительно позднее, когда мы с ним встретились в следующий раз. а было это не очень скоро. Да-да, это я и хочу сказать, а именно то, что Лё-шика я последний раз, в Питере, видел стоящим в вестибюле Кунсткамеры. Больше мы никогда с ним не были в северной столице, хотя он видел меня там ещё какое-то время. просто я этого уже не помню.

Со слов Лё-шика, он, увидев, что я убежал в недра музея, решил никуда не торопиться, так как пребывал в весьма расслабленном состоянии. Зашёл в сувенирный магазин ознакомиться с продукцией, а затем степенно проследовал в зал номер один, следуя стрелкам на указателях. Получая удовольствие от ознакомления с представленными экспонатами, он методично проходил от экспозиции к экспозиции, при этом ничуть не проявляя агрессии и неадекватных отклонений в поведении. Таким образом он бродил по Кунсткамере около трех четвертей часа, при этом не находя следов моего пребывания. Он уже начал думать, что я убежал в туалет и там прихожу в себя или просто-напросто задремал, сидя на унитазе, что частенько встречалось в нашей практике, а может быть, мне стало дурно и я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Ну, в общем, он, окончив осмотр выставки, решил спуститься вниз и поискать меня. Ещё находясь на лестнице этажом выше, он уже начал различать вскрики и возгласы, которые не вписывались в спокойную атмосферу, царившую в Кунсткамере. Не надо быть гением дедукции, чтобы понять, что было причиной создаваемого хаоса. Он слегка ускорил шаг. И чем ближе он приближался к источнику шума, тем громче и неистовей становились вопли. И вот он выбегает в холл, и перед ним предстаёт следующая картина: на уже небезызвестной лестнице, широко раскинув руки и ноги, навзничь лежу я в полнейшем отрубле. Вокруг моего обездвиженного тела суетились, наверное, все сотрудники Кунсткамеры и несколько небезразличных посетителей. И так уж вышло, что почти все служители музея были люди в возрасте и, конечно, к такому готовы не были, поэтому женская часть негодовала особенно рьяно, ну и помогающие им граждане тоже почему-то были в основном женщинами в годах, отсюда все эти душераздирающие вопли. Хотя лично на меня эти крики не производили ровным счётом никакого эффекта. Я лежал себе на лесенке с весьма благодным выражением лица. Лё-шик, подойдя к месту происшествия, первым делом предложил всем успокоиться и взять себя в руки. Но этот призыв почему-то привёл к нарастанию напряжения, а не к деэскалации конфликта, на которую, собственно, рассчитывал мой синий друг. Я думаю, что вопреки его собственному видению ситуации, на самом деле всё было значительно ужаснее. Представляется мне это так: пока служители и их добровольные помощники пытаются что-то сделать со мной, они частично впадают в панику от того, что представляется им в перспективе. А именно – приезд наряда милиции, скандал, крики, а также последствия этого происшествия в виде репутационных и неврологических потерь одновременно. Плюс ко всему прочему, когда о таком вопиющем случае узнает руководство, то их уж точно по головкам не погладят, а напротив, так пролососят хотя бы за то, что они вообще впустили в музей в хлам пьяных людей, что и в довершение всего, не видать им премии, как пить дать. И если в этот самый момент к ним подходит второй персонаж в практически никакущем виде и предлагает, заплетающимся языком, всем успокоиться, то можно себе представить их состояние, когда проблемы, и без того весьма значительные, вдруг возводятся в квадрат, а то и в куб, учитывая габариты вновь пришедшего. И на волне паники среди служащих к Лё-шику подскочил какой-то дед в синем

кителе и, взяв его за грудки, потребовал немедленно покинуть стены Кунсткамеры, прихватив меня с собой. в обмен на это он пообещал, что они не будут вызывать наряд милиции. Хотя, мне кажется, что вызывать копов было и не в их интересах тоже; думаю, что они все всё же хотели решить дело мирно и постараться замаять его, потому как, повторюсь, народу было не много, а свидетелей происходившего и того меньше, а значит, можно было попробовать выйти сухим из воды, что для русского человека есть наивысший кайф. И вот, пока Лё-шик и персонал Кунсткамеры разрабатывали дальнейший план действий, я, видимо, слегка замерзнув, лежа на мраморном полу и, судя по всему, в своём пьяном сне решил укутаться в тёплое одеяльце, а так как в реальности одеяло было представлено в виде ковра, то я начал заворачиваться в него. Ковёр, напомним, покрывал почти шестьдесят процентов поверхности мраморной лестницы сверху вниз, оставляя по бокам две равные непокрытые части, по которым обычно никто не ходит, потому что посетители предпочитают подниматься по ковровому покрытию. И то ли он был как-то плохо прикреплён, то ли я в пьяном забытии слишком сильно дёрнул. Ну, в общем, верхний край ковра отделился от лестницы и накрыл меня, и все бы ничего, если бы не сила инерции, повинувшись которой я начал скатываться вниз по ступенькам наматывая на себя ковер слой за слоем, превращаясь в некое подобие шаурмы в лаваше, а точнее «шавермы», мы же в Питере. Видя это невероятное зрелище, Лё-шик впал в пьяную истерику и просто не мог остановиться ржать, а вот остальные свидетели не разделяли его веселья; у некоторых просто отвисла челюсть, а у других совсем опустили руки. Ну, надо сказать, что я смог докатиться только до середины лестницы, застряв там в складках ковра, и лежал не в силах шевельнуться. И вот когда всем начало казаться, что без милиции уже не обойтись, и вроде кто-то уже даже пошел звонить, куда следует, Лё-шик, подобно американскому супергерою, резко прервав хохот, стремглав бросился ко мне на выручку. В два прыжка поравнявшись со мной, он своими могучими руками выдернул меня из коврового нагромождения, словно начинку из блинчика, взвалил на плечо и, послав на прощание всем, кто на него смотрел в тот момент, воздушный поцелуй, грациознейшим образом ретировался на улицу, навсегда оставив тем самым рубец в памяти этих несчастных людей. Что они потом делали и как выпутывались из ситуации, я, конечно же, не знаю. Но я так же не знаю и того, что происходило дальше непосредственно с нами. Лё-шик клянётся, что тоже не помнит. Его последние воспоминания примерно такие. Он вместе со мной в охапке выбежал из Кунсткамеры. выглядело это так, словно ожившие экспонаты решили дать дёру и погулять по городу. Затем он направился по набережной в сторону, как ему казалось Невского. Заприметив ещё издали магазин, он решил закупить припасов и топлива, и причем я уже худо-бедно шёл на своих двоих. Оставив меня на всякий случай снаружи, он зашёл внутрь и скоренько набрал аптечку, опять же с его слов, но, выйдя на улицу, меня не обнаружил. Он конечно же, бросился меня искать и обежал всё, что только мог. Все прилегающие дворы и парадные, все набережные и кабаки, все парки и проспекты, даже хотел обратиться в органы внутренних дел, но смекнув, что кроме своего собственного ареста, он там ничего не добьётся, отменил это решение. В общем, по его словам, он прямо-таки места себе не находил, весь на нервы изошёл, и в результате в таких расстроенных чувствах оказался на Невском проспекте.

Ах, этот Невский, – жемчужина Санкт-Петербурга, одна из красивейших улиц мира, это я сейчас без иронии говорю. Гулять там одно удовольствие, когда тепло, конечно же, и дождь не идёт. И собор Казанской Божьей Матери, и Гостиный двор, хотя в те годы там рядом был ещё ужасный рынок, который слегка портил впечатление от величия конструкции. Ну, короче, оказавшись там, мой незатейливый друг решил устроиться где-нибудь поудобнее и залить горе от расставания со мной водкой и пивом. Расположился он на Казанской площади и начал распивать; вскоре к нему присоединились несколько местных, а может и неместных, неформалов. Он поведал им свою грустную историю и, видимо, достучался до их панковских сердец, потому как они клятвенно обещали помочь с поисками и готовы были подключить чуть ли

не всех своих бесчисленных знакомых и друзей, а уж такой-то большой армией волонтеров найти чувака в Питере – это вааще два пальца об асфальт, но вначале надо выпить хотя бы для куража. Лё-шик так обрадовался тому, что надежда вновь затеплилась, что расслабился и потерял контроль над ситуацией. Очухался он уже в электричке, которая везла его в сторону станции Бологое, и никаких подробностей того, что происходило после посиделок у Казани и перед посадкой в «собаку», он не помнил. Однако денег у него не было совсем, а также рюкзака, кофты, солнцезащитных очков и панамки, из чего можно было сделать неутешительный вывод, что его просто-напросто обчистили до нитки. «Но хоть кеды не сняли, и то хорошо», – говаривал он впоследствии.

А что же до меня? К как сложилось моё дальнейшее пребывание в «любимом-нелюбимом» городе? И куда я, собственно, делся, с кем встретился и что делал всё это время и, самое главное, где? На все эти вопросы можно дать один лаконичный ответ, состоящий из двух слов, первое слово которого начинается на букву «х», а второе на «з». Могу продолжить повествование с момента, когда сознание и воля вернулись ко мне окончательно и память снова стала записывающим устройством, хотя этот чёрный ящик вскрыть, а уж тем более расшифровать, да ещё спустя столько лет, было ой как не просто, но я всё ж таки расстарался, потому как мне и самому, в первую очередь, было интересно вновь вернуться в те времена в общем и в тот момент, в частности. К тому же приключения, а точнее злоключения, ещё не закончились. впереди была пара жёстких моментов, без которых «Питер-2» не был бы таким полнотелым в плане содержания, если о таком вообще уместно говорить в отношении моих антиэпистолярных потуг.

Ах, судьба-злодейка, что ты подкинула мне на сей раз, какое чудовищное испытание уготовила? или мало выпало на мою долю? или тебе недостаточно смешно от моего жалкого положения? или не все круги преисподней успел я пройти? или недостаточно был я обессилен, чтобы противостоять новым бурям фатума? Что тебе нужно от меня, чего ты добиваешься, какой урок ты хочешь преподать столь нерадивому ученику? Когда, скажи, когда закончится этот кармический шторм, или, может, это всё я, я сам источник своих бед и мучений? может, это и есть ответ на твой вопрос: «Ах так, ах вот ты как, ну ладно тогда посмотрим, кто в конце попросит пощады, увидим „чья шишка крепче“, как говорит Лё-шик». Я ещё не готов сдаться на волю победителя и пусть это и безумие, но я готов вновь бросить вызов своей судьбе, провести ещё один раунд, вновь надеясь на победу, коих пока не случалось и судя по всему не случится, но, как говорили в средневековой Шотландии во время очередной войны за независимость от ненавистных сасанаров, «нам не надо победить, нам надо просто сразиться». А раз так, то давай сразимся. Я готов, начинай действие!

Глаза мои открылись, но почти ничего не увидели, кроме ужасно грязного пола, который упирался мне в нос. Губы касались его и это доставляло мне ужасный дискомфорт. Я чувствовал его противный запах, его отвратительный вкус, но пока ничего не мог с этим поделать. И не мог думать ни о чём другом, кроме как о том, насколько кошмарным был этот пол. Я лежал лицом вниз и первое время силился повернуть хотя бы голову; про возвращение контроля над всем телом речи, конечно же, не было. Через несколько минут мне удалось сдвинуть голову, и теперь к вышеописанному полу я прижимался левой щекой, что само по себе было очень неприятно, но в сравнении с предыдущим моим положением положительная динамика прослеживалась. Теперь сектор обзора был значительно шире, и я смог визуальное оценить мое местоположение. Ну, на первый взгляд находился я в парадной, в самой обыкновенной питерской парадной, грязной, вонючей и неприглядной. Взгляд мой был пока что очень размытым, но даже сквозь похмельную пелену я смог увидеть, что по полу в разных концах помещения разбросаны какие-то бумажки и это явно не мусор, потому как разрозненные фрагменты выделялись своей белизной на остальном грязно-коричневом с серым оттенком фоне. Мозг болезненно кольнуло нехорошее предчувствие: ох, как знакомо было это, прямо скажем,

омерзительное ощущение, когда ты уже точно знаешь, что тебя ждет полная жопа, хотя и не понимаешь ещё до конца в каком это всё будет виде, какой леденящий кровь аватар выберет эта самая жопа на сей раз, и оттого тебе становится ещё более жутко. И самое страшное, что ни разу ещё такие предчувствия меня не обманывали. Да и сейчас ждать какого-то благоприятного расклада никаких предпосылок не было. Думаю, что исход будет наихудшим из всех возможных. Ну, в любом случае надо в первую очередь попытаться вернуть контроль над телом. Сейчас оно представляло собой этакую Скандинавию начала VIII века нашей эры, где возгордившиеся ярлы, управляющие каждый своей территорией, отказались исполнять указания своего конунга и восстали против его воли, чувствуя, что сейчас он и его армия ослаблены внешней войной, которую он вёл до сей поры, не призывая под свои знамена воинов своих верных вассалов; и теперь, когда ему понадобилась их помощь, и поддержка, они вероломно, вместо руки дружбы и преданности, решили всадить нож в спину своему, в прошлом грозному и величественному, вождю. О, как коварно это было с их стороны, и казалось бы, что у гордого короля нет шансов против своих бывших друзей. Как же он сможет обуздать мятежных ярлов? удастся ли ему усидеть на престоле? сможет ли он сохранить жизнь и как покарает дерзнувших усомниться в его силе и могуществе? Обо всем этом мы узнаем в следующей серии. Ох, какой порой бред лезет в голову с похмелья! Что ж, так или иначе, долго ли коротко, тем не менее, рано или поздно не мытьём, так катаньем, мне удалось-таки начать шевелить отдельными конечностями. Хотя, конечно, по ощущениям руки и ноги напоминали скорее щупальца или какие-то ложноножки, потому как двигались они неохотно и пока не в те стороны, которые я им указывал. Но прогресс был неизбежен. И, о чудо! – невероятным усилием воли мне удалось стянуть к телу почти все конечности и встать на четвереньки. Продолжая находиться в таком положении, я потряс головой и тут же пожалел об этом. Голова отозвалась приступом невыносимой мигрени такой силы, что по лицу пробежала судорога. я как-то дернулся весь и упал бы, если бы стоял на ногах. Голову пока решил оставить в покое и заняться более простыми задачами. Я прополз немного вперёд, так чтобы суметь дотянуться до одной из тех бумажек, что усеивали пол. Дрожащей от волнения и похмелья рукой я взял сложенный вдвое листок. Сердце начало колотиться, как бешеное, когда я его развернул. О нет, нет же, ну нет, но, сука, да! Это был допуск на сдачу зачёта по электротехнике, причем на моё имя. А это автоматически означало, что остальные разбросанные ошмётки, есть не что иное, как документы, которые хранились в бесконечных карманах моей кожаной жилетки и косухи. Блять! Я только в этот самый момент понял, что на мне нет ни жилетки, ни косухи. Но, как ни странно, это почему-то придало мне сил. Я рывком вскочил на ноги и начал, словно в припадке помутнения разума, собирать всё то, что было разбросано по подъезду. Собрав всё и проведя предварительную инвентаризацию, я, к своему немалому удивлению, понял, что все документы, что были у меня с собой, на месте, вплоть до последнего допуска на геодезию. Да уж, гуманненько со стороны того, кто меня раздевал в парадной, оставить мне документы. А вот гриндера, видимо, снять не смог, спасибо высокой шнуровке. Мне, кстати, однажды самому пришлось эту самую шнуровку разрезать лезвием от бритвы. Было это в общаге, у нашего мокротного пастыря в гостях; там частенько всё заканчивалось дикими оргиями и, конечно, о нём, «царящем в общажном просторе», я поведаю в главе «о сотворении», потому как личность он незаурядная, впрочем, как и все остальные приоры. и не даром он возглавлял духовенство нашей братии, а так же являлся постоянным членом так называемого «бляцкого звена», которым, к слову говоря, руководил ваш покорный слуга. А, да, и вот однажды в порыве страсти мне нужно было во что бы то ни стало запрыгнуть в ванну к одной замечательной девушке, а так как желание сделать это было на тот момент настолько велико, что развязывать два огромных башмака в тот миг было просто кошунственно, с учетом того, что высота шнуровки была чуть ли не полметра, причем вся она была перепутана. И тут я хватаю чью-то безопасную бритву, безжалостно разламываю плавающую головку с целью извлечения лезвий,

а затем с хирургической точностью снизу вверх распарываю туго затянутые шнурки на обоих ботинках. Причём во время процесса я рычу, как голодный леопард, чем привожу в восторг свою избранницу. и уже в прыжке, избавляясь от остальной одежды, я наконец-то погружаюсь в воды блаженства и страсти. И мы сливаемся в дикой пляске любви, оглашая пространство своими стонами вожделения, которые, отражаясь от стен, многократно усиливаются и заполняют собой, кажется, весь мир. О, как же это было прекрасно!.. Такие светлые воспоминания в столь нелёгкую минуту, когда тьма сгущается, и уже начинает казаться, что ты совсем один и одолеть невзгоды сил просто нет, неожиданно включают какой-то скрытый резерв, который поможет, обязательно поможет. В голову приходит аналогия с «Властелином колец»; помните, когда Фродо блуждал во тьме подземных лабиринтов в логове Шелоб? он тоже черпал силы в светлых воспоминаниях. Такие воспоминания как бы говорят тебе: «ну-ка давай, возьми себя в руки иначе больше ничего прекрасного, подобно этому, с тобой не случится». И тело наполняет неведомая сила, и ты готов вновь предстать пред лицом врага. Вот и меня в тот момент, по сути горького отчаянья, вдруг наполнила какая-то сила, но при этом вместе с силой пробудилось и что-то ещё. Жгучая, колоссальная, доселе невиданная ненависть наполнила мои вены. Ненависть к человеку, который так бесчестно обокрал меня, бесчувственно лежащего в самом уязвимом состоянии. И это вместо того, чтобы помочь страждущему... Н-ну и гнилой же городок, этот ваш Писирбург. Такие вот мысли раздирали меня на части в тот момент. И вот я переполнился злобой, как канистра бензином, когда через шланг сливаешь его из чужого бензобака. И я, не помня себя от ярости, выскочил из подъезда, словно прорвавшийся через врата ада пылающий демон, который несёт смерть всему живому и светлому, что попадает к нему на пути. И попробуйте угадать с двух раз, что я увидел первым делом? А увидел я, как какой-то хрен идёт по двору в моей ненаглядной косухе. Причём чувак-то тоже патлатый; и как же он мог брата-неформала так безбожно обуть? Да какой он после этого неформал? Гопник он вонючий, вот он кто. В этот момент я впал в состояние берсерка, потому что всё, что происходило в последующие минуты, я как бы созерцал откуда-то извне, как бы из зрительного зала. А видеоряд был таким. Я с места сорвался в галоп и буквально за шесть секунд догнал подлеца. Он как раз начал оборачиваться на звук приближающегося возмездия, как я со всего разбега залепил ему ногой куда-то в район живота. Удар был такой силы, что мерзавца сложило пополам. Я же, не медля ни секунды, нанес следующий, не менее сокрушительный удар, на сей раз сбивший его с ног. Бросившись на него сверху, я продолжал нахлобучивать ему по полной программе. Колошматил, что было сил, которые, кстати, начинали иссякать, и я, почувствовав это, решил, что пора заканчивать экзекуцию, забирать то, что моё по праву и проваливать подобру-поздорову. Я резким движением вытряхнул негодяя из куртки, быстро надел её и бросился наутёк.

Бежал я быстро, опасаясь погони, хотя, когда обернулся, прежде чем завернуть за угол, чувак даже не поднялся на ноги. Мелькнула мысль: а всё ли с ним в порядке, но потом я подумал, что таких гадов просто так не убьёшь, к тому же, когда я снимал с него косуху, он вполне себе шевелился и даже пытался что-то там выкатать, аспид окаянный. «Ну, может, сломал ему пару рёбер, да выбил пару зубов, а так, до свадьбы заживёт», – успокоил я себя и перешёл с бега на быстрый шаг. Какое-то время я просто бесцельно бродил по городу, силясь понять, что же мне делать дальше. Меня мучила ужасная жажда, которая постепенно становилась навязчивой идеей, что приводило меня в весьма нервное состояние, и даже удачно проведенная операция по репатриации куртки уже не так ободряла, как раньше. Положение было просто паховым, что делать дальше, я не знал. Время, судя по всему, было очень раннее, потому как на улицах почти не было людей, что лишало меня возможности поинтересоваться у прохожих о том, где я, допустим, нахожусь. Голова соображала плохо, хотя, скорее, не соображала вовсе; вот я и мотался, как болванчик, туда-сюда.

И вот, когда я уже окончательно, казалось бы, заблудился, вдруг вышел на широкую улицу и, что бы вы думали я увидел? Некрасовский сад. Меня, как громом, поразило, я как будто прозрел: здесь всё началось, здесь всё должно было и закончиться. Я прогулялся по скверу и без труда нашёл ту самую лавочку, на которой очухался примерно сутки назад. Я улёгся на неё и закрыл глаза. Задремав на несколько минут, а может, и чуть больше, я проснулся с чётким пониманием того, что и как мне нужно делать. Сил у меня поприбавилось, да и настроение улучшилось. Подумать только, суток не прошло с того момента, как я лежал на этой вот самой лавочке: просто в голове не укладывается. Интересно, а где Лё-шик? Он то уж наверняка продолжает оттопыриваться; такой он, этот «заяц-топтун». Я бодро зашагал по Лиговке в сторону Московского вокзала, предвкушая множество весьма неприятных событий, связанных с возвращением в Москву из Питера, не имея никаких денежных средств. Но я решил не унывать, ведь уныние – это грех, а действовать следовало, можно сказать, дерзко, так как терять мне было уже нечего. Придя на вокзал, я обнаружил, что время действительно было ранним, а если точнее, то шесть сорок две. Ознакомившись с расписанием поездов и электричек, отправлявшихся в сторону Москвы в ближайшее время, я выбрал поезд, а не электричку, решив, что даже если меня заметут, то полпути я так и так одолею, не будут же они поезд тормозить ради меня одного? А в ментовке покормят, ну должны, по крайней мере, но попить-то уж точно дадут. В общем, пребывал я в таком состоянии, что перспектива оказаться в обезьяннике мне казалась не таким уж и плохим вариантом. Потому как паспорта у меня с собой нет, денег – тоже нет, а по студенческому меня вряд ли будут по протоколу оформлять, ну поддержат маленько, да и выпустят, что с меня взять-то? Правда, навалить могут, но, если попытаться им всё объяснить, так, мол, и так, мужики, ну поймите, ну простите, обчистили в Питере, денег нема, паспорта тоже, в общем, на жалость надавить, менты ведь тоже люди, авось, и войдут в положение, да и отпустят с миром, чтобы не возиться. Короче, в голове у меня план сложился практически идеальный. Правда, в поезд я вписаться не смог по ряду объективных причин, зато спокойно зашёл в вагон стоявшей с открытыми дверями «собаки». Я решил, что останусь здесь, куда бы она ни шла. Ведь мне всё равно в ту сторону. И через некоторое время по громкой связи, с ужасными помехами, объявили, что электрон идёт до Малой Вишеры, только вот с какими точно остановками, я не разобрал, да и не важно это было на тот момент. Я уснул сном агнца, а когда проснулся, то был уже в пути, и за окном, сливаясь в сплошную зелёную полосу, летел знаменитый забор «рабица», который идёт, по-моему, на протяжении всей железки по дороге Питер – Москва.

Похмелье возобновилось с пущей силой, стоило мне только открыть глаза. И тут я понял, что во время предыдущего пробуждения был ещё сильно пьян, а вот теперь абстинентный синдром вступал в свои права и щадить он меня явно не собирался, особенно на фоне дичайшего обезвоживания. Рот слипся изнутри, и я с трудом смог его открыть, чтобы зевнуть. Ломота в теле усиливалась, голова кружилась, и мне впервые стало страшно. Я реально начал думать, что могу просто отрубиться и сдохнуть. Да уж, умереть от похмелья – это, конечно, слишком, даже для меня, молодого. Я решил пройтись по вагонам вдруг на кого наткнусь, попрошу водички, ну, или отниму, если придётся; в тот момент я был готов уже на всё. В первых двух вагонах вообще никого не было, да, не так уж и много желающих отправиться в Малую Вишеру с утра пораньше в... а интересно, какой сегодня день? За этими мыслями я миновал ещё один вагон, но вот в следующем я увидел людей, ещё из тамбура. Это были рыбаки. И они распивали водку, и закуска соблазнительно лежала на газетке; там была любительская колбаска, скумбрия, соленые огурчики, чёрный хлеб, свежая зелень, помидоры и вобла. Они увидели меня сразу же, как только я вошел в вагон. Я шел к ним, ещё не зная, что я буду говорить, но точно зная, что я смогу получить искомое и желаемое. И видимо моя уверенность, а также внешний облик, как-то сразу убедили мужиков, что я пребываю в весьма отчаянном положении и мне лучше оказать содействие, во избежание каких-либо нежелательных последствий. Я подошел к сиденью,

на котором был накрыт стол и, собственно, восседали мужички и плюхнулся напротив, при этом весьма плотоядно уставившись на их нехитрую снедь. Они уставились на меня и, видимо, чего-то ждали.

– Мужики, есть водичка попить? Помираю я, понимаете...

– Да это и так видно; чо случилось то? – спросил тот, что был постарше, при этом протягивая мне баклажку с водой. Воистину, всё познаётся в сравнении, когда и глоток скверно пахнувшей воды будет получше, чем бутылочка кьянти.

Я прильнул к горлышку бутылки, словно к груди любимой женщины и не отрывался, пока не начал задыхаться. Мужики все всё это время безмолвно взирали на меня. Напившись, я в бессилии рухнул на сиденье и на секунду закрыл глаза. Затем несколько раз чихнув, я, устроившись поудобнее, принялся рассказывать историю последних суток моей жизни, ну, что мог вспомнить, но особенно много внимания уделил моему варварскому ограблению и последовавшему возмездию. Я говорил, говорил и видимо достучался до сердец суровых, если не сказать мрачных, рыбаков.

– Ну-ка, плесни страдальцу, – снова заговорил старшой, – а то помрёт ненароком.

Мне налили водки и предоставили допуск к закуси. Эх, все-таки судьба иногда возвращает долги. Очень благостно провалилось зелье в нутро, я почувствовал, как тепло растекается по телу и какое-то спокойствие, какая-то уверенность в том, что всё будет хорошо, овладели мною, а уж после того, как я съел несколько ломтиков копченой колбаски и вдогонку мало-сольный огурчик на кусочке чёрного хлебушка, я очутился на седьмом небе от счастья. И, да, ещё раз подчеркну, что всё познается в сравнении, возможно, что иной раз поцелуй старой вокзальной шлюхи будет покруче чем ночь с Памелой Андерсон, хотя это, пожалуй, и чересчур. Я поблагодарил мужиков за радушие, выпил ещё одну, ещё немного закусил, и чтобы не злоупотреблять добротой человеческой, решил завалиться спать. Вернулся в свой пустой вагон и улегся на самую первую сидушку. Я попытался поудобнее устроиться на комфортабельном, деревянном сиденье, как вдруг мне в бок впилось, что-то острое. Я даже вскрикнул, скорее от неожиданности, чем от боли. Начал ощупывать себя по внутренним карманам и немало удивился, когда обнаружил в одном из карманов косухи небольшую расчёску. Странно это, ведь не было у меня с собой никакой расчёски, да и носил я обычно всё в карманах жилетки, так как они закрывались на молнии, а тут расчёска в кармане куртки, а карман-то как раз на молнии, что за фигня?

– Бля! – вскричал я в голос. – Это ж не моя косуха...

* * *

Конаковский Экскалибур

Конаково. Было лето 2000-го или 2001-го, сейчас точно не помню, надо будет уточнить. Спрошу у кого-нибудь из тех, кто сопровождал меня в том незабываемом путешествии, хотя, положа руку на сердце, скажу, что из всех тех замечательных парней я ни с кем за последние лет десять и словом не обмолвился, за исключением, пожалуй, одного. И это не потому, что мы рассорились или ещё что-то в этом роде, нет. Просто так уж сложилось по жизни, что пути разошлись и одному богу известно, сойдутся ли они когда-нибудь вновь, но если это произойдёт, то я лично буду этому несказанно рад. А вот, собственно, и они, действующие (и местами бездействующие) лица-морды: Обжора, Кира, Андрюха, Лё-шик, Тимми и, собственно, я. Думаю, что по ходу действия познакомлю вас с ними поближе, ну а теперь прямиком в экшн.

– Эт чё такое? – бросил Андрюха.

– Книга Гермеса, ёптыть, – ответил я, запихивая книжку в карман жилетки.

– Ты чё, читать там думаешь? Да хорош, мы обожрёмся ещё по дороге и не будем приходить в себя, пока не кончится водяра, – озвучил свой неутешительный прогноз Кира.

– Кого, кого там книга? – пробормотал Тим. – Дай глянуть.

– На, – я протянул ему книжку. В то время я как раз начал увлекаться всяческого рода оккультизмом. Надо сказать, что в те годы я начинал увлекаться самыми разными вещами, одна чуднее другой, но не об этом речь, по крайней мере не сейчас.

– Гермес Меркурий Трисмегист – Мастер всех наук и искусств, знаток всех ремёсел, Правитель Трёх Миров, Писец Богов и Хранитель Книг Жизни, Трижды Великий и Величайший, – продекламировал я голосом из рекламы нового фильма.

– Ясно, набухаемся и будем сатану опять вызывать, как в тот раз шоль? Можно раздеться до гола, расписать тела углём в виде рун или пентаграмм и устроить дикие пляски вокруг костра, – серьёзным голосом предложил Лё-шик.

И надо признаться, что вероятность такого расклада была очень высока. К тому же ведь что-то подобное мы уже делали, причем не сказать, что задолго до данной вылазки.

Думаю, вкратце расскажу о той знаменательной поездке. Но начать нужно чуть заранее, чтобы картина предстала в целостном виде. В общем, дело было так. В соседнем с Лё-шиком доме какое-то время назад проживал один странный паренёк, причём, как мне кажется, он на полном серьёзе страдал от определённого расстройства психики. Но при этом, по неизвестным мне причинам, жил он в отдельной двушке вполне себе приличного вида, ну, по крайней мере, поначалу. Парень он был тихий, неконфликтный и практически безотказный, нигде не работал и не учился, а почти всё время проводил у себя дома, играя в компьютерные игры. И естественно, не сразу, конечно, но постепенно все прознали про такое вот явление и, само собой разумеется, стоило ему пустить к себе первого гостя, как не прошло и двух недель, как при полном попустительстве хозяина, там образовался настоящий притон. И Пафнугий, а именно так все называли этого бедолагу, не имея психологической возможности противостоять такому напору, был вынужден сдать на милость его так называемых «новых друзей». А они, в свою очередь, не выказывая и капли уважения к собственнику помещения, а иногда запугивая или избивая его, по сути, просто пользовались его жилплощадью в своих усмотрениях, в основном, устраивая там бесконечные попойки и оргии. Ну и, конечно же, в один прекрасный момент в числе приглашённых оказался и ваш рассказчик. Но признаться, мне не очень понравилась царившая там атмосфера, хотя в тот момент я страсть как любил подобное времяпрепровождение. И не то чтобы я пытался себя каким-то образом возвысить или обелить, нет, нисколько, я сам такого напорол в те годы, что один снятый грех вряд ли может исправить положение; просто говорю, как есть. Мне всегда было важно, чтобы все отрывались по полной программе и всем было одинаково весело и круто, а когда веселье происходит за счёт чьей-то угнетённо-

сти, то это уже не так круто, если вы понимаете, о чём я. В общем, заходил я в данный альков не очень часто и надо признаться, что Лё-шик, в сущности, разделял мои взгляды и зачастую вставал на защиту бедняги Пафнута, не давая особо упоротым гобулям издеваться над паренком и уж тем более выгонять его на лестничную клетку. Но так или иначе становилось ясно, что такое долго продолжаться не может. Квартира превращалась в помойку, а контингент становился всё более жутким и поначалу весёлые рок-н-рольные тусовки сменялись разрушительными и порой омерзительными сборищами. И когда всем уже начало казаться, что вот-вот и случится непоправимое, вдруг откуда ни возьмись появилась некая девица, которая, быстро женив на себе недалёкого Пафнута, мгновенно прекратила эту порочную практику. И всё вроде как начало мал-помалу налаживаться. Квартира вновь стала выглядеть пригодной к проживанию, а наш паренек вернул себе человеческий облик и, что более значимо, вновь обзавёлся компьютером, за которым проводил теперь практически всё время. Девушка старалась вовсю: убиралась, готовила и даже ухитрилась сделать небольшой косметический ремонт. При этом она разрешала иногда навещать своего новоиспечённого супруга небольшому количеству избранных друзей. Мне, как вы понимаете, удалось с лёгкостью пройти сей кастинг, равно как и Лё-шику, видимо, потому что в тёмный период мы были чуть ли не единственными людьми, которые относились к Пафнуту более-менее по-человечески. Также в этот список попал мой бывший одноклассник и по совместительству сосед Лё-шика, человек под ником Сёмга. Мы приходили обычно с некоторым количеством пива, ну, или портвейна, так как хозяйка строго-настрого запрещала крепкие напитки. И таким образом бывшая блат-хата, словно бы по волшебству, превратилась во вполне себе respectable жилище. Да и посиделки наши вряд ли можно было назвать тусовками, скорее это были тихие семейные вечера, на которых мы обычно все вместе смотрели видик, играли в настольные игры или просто вели непринуждённые беседы на отвлечённые темы. Все были просто очарованы молодой женой Пафнута; и то, что она отвергала мои неоднократные попытки сблизиться с ней, так сказать, телесно, лишь поднимало её авторитет в моих глазах. Хотя попыток этих я не оставлял и всегда пытался заигрывать с ней, надеясь, что в один прекрасный момент она сдастся. И не надо так смотреть на меня, ведь Пафнута секс не интересовал в принципе, а молодой женщине он просто необходим, так что, по сути, действовал я исходя из соображений гуманности, ну, по крайней мере, себя я в этом убедил с лёгкостью. Единственным человеком, который не подпал под чары этой дамочки, был Лё-шик. И, как оказалось, подозрения его оказались небезосновательными.

– Слишком уж всё как-то нарядно получается, – сказал он мне, когда мы вышли на улицу после очередных посиделок в Пафнутьевской квартире.

– Да ладно тебе, чё ты нагнетаешь на ровном месте? Приехала, небось, откуда-то там и ухватилась за вариант, – спокойно ответил я, параллельно думая о том, как же мне её всё-таки соблазнить.

– Не, чувак, полюбас тут лажа какая-то, – мрачно заключил он.

Я лишь пожал плечами и направился в сторону одного небезызвестного кабака, который находился прямо рядом с домом Лё-шика и промеж нами носил имя «Мутный глаз». Ну и, в общем, мой проницательный друг оказался прав. Идиллия длилась всего несколько месяцев. Потому как, придя в один прекрасный день в вышеупомянутую квартиру, мы в подъезде столкнулись с Пафнутием, который нёс куда-то системный блок. Что было само по себе странно, так как это была самая дорогая для него вещь, и трогать его, а тем более куда-то там выносить, было просто за гранью, с учётом того, что и сам он был не особым любителем покидать свою цитадель. За ним следовала его жёнушка с монитором в руках.

– О! А вы куда это собрались-то? – подозрительно спросил Лё-шик.

– Да вот решили с Пафнутиком эту квартиру продать и ко мне в Тверь переехать. Там мама, там нам спокойнее будет, – сказала глава семейства.

– О, слушай, а мож, адресок оставишь, вдруг проездом буду, заскочу, поболтаем.

– Да конечно, запоминай, – и она назвала какой-то там адрес.

Я, честно говоря, практически не слушал того, о чём они говорили, так как был расстроен тем, что мне не удалось отведать её манящей плоти. Ну вот, наконец-то и закончилась вступительная часть и пора переходить к непосредственно эндшпилю. Прошло несколько месяцев, и я уже и помнить забыл про всё это. Как вдруг на одной пьянке Лё-шик неожиданно предложил мне сгонять в Тверь.

– Давай в Тверь сгоняем. Чо думаешь?

– Давай. Только зачем?

– Ну, Пафнута навестим и просто побухаем.

– О! Пафнутий. Ну да, точно. Я уж и забыл про него.

Ну, в общем, мы договорились; и не прошло и недели, как мы отправились в этот старинный русский город, родину Михаила Круга и креплёного пива. Причём, мой предусмотрительный друг захватил с собой палатку и, как оказалось, очень даже не зря. Ехали цивилизно, у Лё-шика была с собой приличная сумма денег, ведь он в то время батрачил в шиномонтаже и поднимал довольно неплохие бабки. Я же, как обычно, выступал в роли нахлебника, но надо отдать должное моему мокротному брату, он ни разу за многие годы ни в чём таком меня не упрекнул. И каково же было моё удивление, когда, явившись по указанному адресу, мы не обнаружили никаких следов пребывания там вышеупомянутых особ.

– Ну вот, млять. Я так, сука, и знал, – подытожил происходящее Лё-шик. – Чужло моё сердце. А теперь нет уж, наверное, в живых бедняги Пафнута, развели его по полной программе.

Я пребывал в состоянии шока, до последнего отказываясь верить в происходящее. Как же я мог быть таким слепцом, как же я мог повестись на такую чушь? Да уж. Сказать даже нечего. Мы поставили палатку метрах в двухстах от дома, который должен был быть Пафнутьевским, чтобы перевести дух, ну и переночевать спокойно. Затарились пивом и водкой и предались глубоким размышлениям. Утром мы проснулись от чьего-то нарочитого кашля, который раздавался прямо у входа в нашу палатку.

– Ну что там ещё за кашлюн? – недовольно пробормотал похмельный Лё-шик и, растолкав меня, начал выкарабкиваться на свет божий. Я неохотно последовал за ним.

Выбравшись из нашего временного жилища, мы обнаружили достаточно многочисленную группу обеспокоенных граждан, которые, судя по всему, являлись жильцами близлежащих домов.

– Я же говорил, не бомжи, – произнёс мужик, который, судя по его внушительному виду, был вождём данного племени аборигенов. – Вы кто такие, ребята, и зачем тут палатку поставили, чего людей пугаете? – Задал он нам сразу несколько вопросов.

Мы же быстро объяснили ситуацию, сказав, что приехали навестить друга, а его на месте не оказалось, но самое главное, мы сказали, что сегодня же покидаем это место и тем самым успокоили народные массы.

– Ну что? Чо делать то будем? – Спросил я Лё-шика, когда люди разошлись по домам. – Неужели домой?

– Да не. Погнали на Волгу. Погода охуэнная, купаться можно, лаве есть, палатка есть, надо только забухать по-нормальному.

– Принято! – воскликнул я.

До побережья добрались менее чем за час и, не утруждая себя длительными поисками подходящего места, расположились на первом подходящем по размеру пологом плацдарме. Я занялся установкой палатки и обустройством очага, а Лё-шик отправился за провиантом, благо круглосуточный магазин со всем необходимым необходимым располагался минутах в двадцати прогулочным шагом от нашего места дислокации. Полянка, на которой я установил палатку, поначалу показалась мне не очень большой, но на поверку оказалась достаточно

широким плато, окружённым с трёх сторон кустарником и деревьями, и имела удобный подход к воде. На самой границе участка стояли довольно высокие строительные леса, и выглядели они так, как будто их выкинули, хотя поначалу я не обратил никакого внимания на это деревянное сооружение. К тому моменту, когда мой соратник соизволил возвратиться, всё, от меня зависящее, было сделано, и нам оставалось лишь спокойно приступить к возлияниям. Что мы, собственно говоря, и сделали.

Поначалу всё шло как по маслу. Мы пили холодное пиво, купались в Волге, жарили сосиски и хлеб на костре. Но по мере наступления сумерек ситуация начала меняться. Водка к этому моменту уже охладилась в речных водах, да и мы дошли до нужных кондиций и были готовы повысить градус. Конечно же, мы напрочь забыли, а точнее и не знали, что дата, которую мы выбрали для посещения Твери, случайным образом совпадёт с датой проведения выпускных в местных учебных заведениях. И вот теперь с удивлением наблюдали, как довольно-таки большая группа молодёжи высыпала на берег и, беспардонно расположившись невдалеке от нас, нарушала нашу, с позволения сказать, идиллию.

– Ну, за упокой души бедняги Пафнута, – поднял свой стаканчик Лё-шик.

– Чо, думаешь всё? Реально глушняк?

– А чо тут думать-то? Хату отжали, терпилу в расход.

– Да, блин, жесьь какая-то.

– Это жизнь, – закончил он и, не чокаясь, влил себе в пасть содержимое бокала; я последовал его примеру и, выпив, достал из банки малосольный огурчик. Признаться честно, грустили мы недолго и уже через несколько минут, выпив по второй, весело наперебой рассказывали друг другу смешные анекдоты и истории. Вечеринка набирала обороты, причём не только наша. Наши неожиданные соседи, видимо, в меру своей молодости и неопытности, были уже совсем хороши, некоторых тошнило в кустах, а девчонки хохотали без умолку. Уж не знаю по какой причине, но присутствие этих пьяных детей, меня почему-то раздражало; думаю, что и мой дружище испытывал схожие чувства. Не стовариваясь, мы всё больше налегали на крепкое и в скором времени, что неудивительно, пришли в состояние коллективного бессознательного.

Но, несмотря на высокую степень опьянения, настроение наше было, мягко говоря, не ахти.

– У...бать тебе, шоль!?! – вдруг произнёс Лё-шик.

– Ну давай, чимиздос, рискни, – агрессивно ответил я.

– Бойни хочешь? Ты её получишь, – добавил он и, встав, начал стягивать с себя одежду.

Не знаю, какова была доля шутки в этом всём, но со стороны это выглядело, судя по всему, полнейшей дичью. Раздевшись догола, чтобы не изговнять единственную имевшуюся одежду, мы решили бороться, как древние греки. И вот началась битва. Воины сходились вот уже раз пятнадцать, но до сих пор не было понятно, кто одержит верх. В этот момент я поднял вверх правую руку и вышел из боевого круга. Затем жестом предложил противнику присесть у огня и выпить по «три чашечки вина», как говорили в классической китайской литературе. Я наполнил сосуды зельем, и мы выпили в полном молчании. И вдруг нашу медитативную гармонию нарушил чей-то душераздирающий вопль. Это были дошедшие до свинских кондиций выпускники учебных заведений, очевидно, готовые шагнуть во взрослую жизнь.

– Пора разделаться с ними, – кровожадно произнёс Лё-шик. Я кивнул в знак согласия и поднялся со своего места. Мы расписали наши молодые, разгорячённые и к этому моменту уже без того перепачканные тела остывшими угольками. Я нарисовал большую перевернутую пентаграмму у себя на груди, так же украсил руки и ноги скандинавскими рунами. Когда Лё-шик попросил меня нарисовать что-нибудь угрожающее у него на спине, то я не нашёл иного решения, как огромными, жирными буквами написать всеми любимое слово из трёх букв. Он был чуть более оригинален и нарисовал здоровую стрелку, идущую по позвоночнику и указывающую на задницу с изображением мишени. Лицо своё он закрасил полностью, я же использовал

вариации на тему боевой раскраски североамериканских индейцев. Затем Лё-шик, прогулявшись до строительных лесов, притащил одну из деревянных стоек примерно метра полтора высотой и метр шириной, оторвал две длинные жерди и, отдав одну из них мне, предложил использовать их вместо пик, остальную конструкцию он безжалостно бросил в костёр. Мы были готовы. Кивнув друг другу, мы, издав леденящий кровь боевой клич, ринулись в смертоносную атаку. Ну и, собственно, ряды школоты дрогнули задолго до того, как мы успели к ним приблизиться, на что, откровенно говоря, и был наш расчет. И когда, обращённые в бегство, выпускники скрылись с глаз долой, и таким вот образом побережье было очищено от инородных тел, мы, осмотревшись вокруг, стали думать о том, что будем делать дальше; уж очень не хотелось терять такой задорный запал. Мой сотоварищ сориентировался быстрее меня и, развернувшись, ударил меня плашмя деревяхой прямо по заднице. Я взвизгнул и подпрыгнул на добрый метр в воздух, Лё-шик же, гомерически хохоча, бросился бежать в направлении нашего, к тому моменту всерьёз разгоревшегося, костра. Обежав пламя таким образом, чтобы оно стояло огненной стеной между нами, он принялся выкрикивать в мой адрес оскорбления и всячески подтрунивал надо мной, продолжая при этом заливисто смеяться. Смех и гнев смешались во мне в те мгновения, и я, смеясь в голос, стал бегать за поганцем вокруг костра и, в свою очередь, кричал ему вслед угрозы и страшные проклятия. Так продолжалось минут десять, но мне никак не удавалось дотянуться до гадёныша даже палкой. Огненная завеса плотно закрывала его от меня. И тогда я решился на отчаянный шаг, спасибо лошадиной дозе алкоголя в крови. Как следует разбежавшись, я оттолкнулся от земли и полетел сквозь пламя.

«Ты был словно огненный дервиш, как ифрит с полыхающим членом, помнишь, как у Геймана вроде», – делился впоследствии Лё-шик своими эмоциями. Дело в том, что даже ещё в довольно молодом возрасте мое тело, правда местами, покрывал уже достаточно густой волосяной покров, а уж места, где он имеется абсолютно у всех, у меня он представлял ну просто джунгли Амазонии. И когда я пролетал сквозь огненную стену, волосы в паху вспыхнули, словно сухая солома, озарив на мгновение разрисованное тело и искаженное гримасой ужаса лицо. Пробежав мимо названного брата, я, не сбавляя скорости, врезался в прохладные и живительные речные воды. Остаток ночи мы провели практически в полном забытьи; помню, что призывали демонов огня на бой, плясали вокруг костра, бросали копья на дальность, а затем бутылки, назвав это первым чемпионатом мира по метанию тары из-под штырки. Искушавшись на заре, мы уселись на берег попить пива.

– Спорим, сейчас переплыву Волгу, – неожиданно спросил Лё-шик, но по обыкновению своему, не дождавшись ответа, просто сиганул в воду. Когда он был примерно на середине реки, у меня закончилось пиво, и я, махнув рукой, отправился на боковую.

Вернёмся же скорее к основному повествованию.

* * *

– Не сатану, а демона огня. Балбес ты окаянный. То сатанизм, а то зороастризм, понимать надо такие вещи, – я специально говорил голосом занудного умника, чтобы подколоть Лё-шика.

– А! Ну теперь понятно, – заулыбался он в ответ.

Да, кстати, помимо книги Гермеса, с собой в небольшой рюкзак я заботливо положил огромный охотничий нож, который купил на Черкизоне незадолго до поездки. Был ещё мешочек с амулетами и три бутылки водки по тридцать два рубля каждая. По-моему, больше ничего я взять с собой не соизволил, хотя, возможно, была ещё кофта. Трудно вспомнить, особенно с учётом того, что обратно я вернулся вовсе без вещей. Но обо всём по порядку.

Так мы стояли, непринуждённо беседуя, на пороге Ленинградского вокзала. Погода была просто отменная; мы пили минеральную воду и чего-то ждали, а точнее кого-то, а ещё точнее

– Обжору; он, как всегда, опаздывал. Тогда считалось: если попить минералки перед пьянкой, это как-то компенсирует грядущий урон. Уж не знаю, почему.

– Ну, наконец-то, блин. Чувак, ну, что за херня постоянно происходит?

– Ладно не борогозь, всё будет в дёснах, – отмахнулся Обжора.

– Погнали, нам ещё на «собаку» вписаться надо.

На билетах решили сэкономить, взяли до Ховрино, чтобы спокойно с баулами пройти турникеты. Ехать нам было часа два с половиной, и к половине пятого должны были быть на станции Конаково ГРЭС. Но что-то пошло не так. Наверное, не надо было начинать так безудержно пить ещё до отправления.

– Ну что, понеслась! – весело взвизгнул Кир.

– «И вот начинается бой, – тихо пропел я. – И сердцу тревожно в груди...»

– «И Ленин такой молодой, и юный Октябрь впереди!» – грянул нестройный, но душевный хор в ответ.

– Вот как так? Ну как так? – восклицал Лё-шик, глядя на батарею бутылок водки, стоящих в углу вагона. Мы расположились на крайнем сиденье прямо перед тамбуром, чтобы ходить курить было не далеко.

– Что не так, братское сердце? – обратился я к озадаченному Лё-шику.

– Блять, – многозначительно начал он, – их должно быть восемнадцать. Так ведь? А их семнадцать. ну и что это за херь? – продолжал он строго вопрошать. – Каждый должен был купить три пузыря, а получается, что кто-то купил два или, купив три, один приныкал, – закончил он изобличающую речь и устался на Обжору. Да, если происходила какая-то лажа, то на сто процентов Обжора был к ней причастен. Уж не знаю, почему он делал порой подобные вещи, да и сам он, я думаю, толком не понимал, зачем, но, видимо, есть что-то такое внутри, что время от времени пробуждается, что-то тёмное, и контролировать себя перестаёт быть возможным. Ну, я думаю, что в моём повествовании не раз ещё придётся коснуться этой темы, ибо подобное случалось с каждым из нас и далеко не по разу. Порой мы все вместе или каждый в отдельности становились, словно одержимые, и не ведали, что творили. Но об этом далее.

– Слышь, Вась, а ты не офигел – мне постоянно предъявлять!?! – как всегда искренне удивился Обжора и состроил обиженное, немного девчачье, личико, смешно поджимая губы. Затем устался в окно, смотря как бы в даль за горизонт, аки британский рокер.

– Позёр хренов, – беззлобно произнёс Кира, деловито откупоривая первую бутылку. – Тим, займись закусью, томатный спонсор.

Так мы порой называли Тимми, в основном, чтобы подшутить над ним, потому как он всегда ершисто реагировал на это. Если помните, то в начале нулевых шла такая дурацкая реклама по телеку, по-моему, рекламировали то ли кетчуп, то ли реально томатную пасту. И вот, отправившись как-то на шашлыки достаточно обширной компанией, в которую входили почти все вышеперечисленные персонажи плюс ещё достаточно большое представительство наших боевых подруг и нескольких друзей, мы, изрядно накидавшись задолго до того, как начали жарить мясо, принялись откровенно чудить. И более всех из нас начал чудить молодой Тим.

Поначалу он просто лез драться почти со всеми, кто попадался ему под руку, но, будучи в неприглядном состоянии, так и не нашёл оппонента. Тогда он стал просто скакать по поляне и пытаться выполнять какие-то шаолиньские «вертушки». Знаете, такое бывает с пьяными людьми, когда они воображают себя мастерами чуть ли не всех на свете боевых искусств. Остальные участники барбекюшной вылазки лишь с интересом наблюдали за нашим упоротым товарищем. Правда, вскоре всех начало утомлять это шоу одного актёра, и тогда, не помню точно, кто, возможно Кира, поднёс целую чарку водки разбушевавшемуся каратисту, просто чтобы хоть как-то урезонить упрямого гнома. Тим отважно выхлебал целый стакан беленькой и, видимо понимая, что скоро отрубится, решил показать свой последний трюк. Не знаю,

как именно этот кульбит выглядел в воображении этого кретинозавра, но вышло всё совсем иначе. Взяв почти что десятиметровый разбег, Тим решил, оттолкнувшись от бревна, на котором предполагалось восседать почётным гостям, двойным сальто перелететь через весь стол, несмотря на то, что к тому времени на этом самом импровизированном столе были расставлены имеющиеся у нас яства и напитки. Положа руку на сердце, надо признать, что первое сальто у него почти что получилось.

Но физика – наука беспощадная, даже к таким храбрецам и безумцам, а точнее, в особенности к таким. И вот, пролетев почти весь стол и начав снижение задолго до начала посадочной полосы, наш синий дримлайнер врезается аккурат в край стола, на котором стоит, чтобы вы думали? открытая огромная банка с той самой томатной пастой, в которую предполагалось обмакивать кусочки шашлыка. Естественно, всё полетело кубарем. И весь с ног до головы измазанный, Тим, не будучи в состоянии подняться, так и уснул, закутавшись в матерью, которая заменяла нам скатерть. Томатная паста засохла быстро и вместе с сосновыми иголками, сигаретными окурками, мелкими фрагментами бытового мусора и всяким таким подобным плотным слоем покрыла почти всю поверхность его тела. И когда через несколько часов настала пора возвращаться в город, к этому моменту немного очухавшийся горе-каскадёр предстал перед нами в весьма сюрреалистичном образе. Напоминал он человека из старых американских фильмов про Дикий Запад. Помните, там провинившихся бедолаг сажали на лошадь задом наперёд, предварительно измазав дёгтем и обсыпав перьями, и в таком нелепом виде выпроваживали из своего городка. И естественно, пока мы шли по городу, то вся компания безостановочно прикалывалась и стебалась над беднягой Тимми. И с тех пор мы время от времени подкалывали нашего малыша, напоминая ему о том случае, декламируя этот рекламный слоган. Вот и сейчас Тим оскалился и злобно уставился на Киру.

– Да пошёл ты! Где стаканчики, лучше скажи? Упырь!

– Мой всегда со мной! – Кира продемонстрировал свой знаменитый стакан-выкидушку. Махнул им и со щёлкающим звуком, железный кругляшок превратился в шестидесятиграммовый стаканчик.

– Советские супертехнологии, – гордо заявил он.

Все знали этот стакан. Знали, как чувак дорожит им и что на крайняк можно пить из одного по очереди, как не раз уже делалось ранее и делается впредь. Но не в этот раз, потому как Лё-шик, победоносно вскинув руку, достал из рюкзака упаковку классических пластиковых стаканчиков.

– Папка обо всём позаботился, деточки.

Мы ответили ему протяжным, одобрительным «О-о-о». Затем он раздал всем по одному, а остальные показательно убрал обратно в рюкзак. Кира протянул мне открытую бутылку:

– Банкуй.

– Давай. Я уж привык. У меня рука твердая, «а глаз, как у орла».

– Чё ещё за какуарла? – заржал Обжора.

– Да ваше какуарла какая-то, – сказал Лё-шик голосом гопника, немного в нос. Так слово «кикоз», которое до этого момента означало что-то смешное или просто прикольное, кануло в лету, уступив место ещё более забавному и неадекватному сочетанию букв.

– Готово, – удовлетворённо сказал я, закончив разлив.

Получилось практически ровно, можно было и не сравнивать. Хотя никто и не думал об этом. Всем хотелось поскорее начать очередную серию массового безумия, которое в те времена описывалось одним простым тезисом «давайте нажрёмся и посмотрим, что будет». И вот что получилось.

К Ховрино мы благополучно осушили литр и миновали набор обязательных тостов. Пришло время импровизации, но меня беспокоил Кира. Он как-то слишком уж быстро пьянел. Знаете, бывает такое, прям с первой рюмки начинается опьянение, причём обычно заканчива-

ется это утратой всяческого контроля над собой. При этом человек зачастую ведёт себя агрессивно, пытаясь выместить на окружающих злобу, хотя злится он на себя самого из-за того, что чувствует, что отрубится намного раньше остальных и пропустит основное веселье. На самом деле такая ситуация достаточно опасная, так как Кира не раз оказывался в роли абсолютно неконтролируемого, агрессивного, сквернословящего монстра, нисколько не напоминающего себя самого трезвого. Это что-то вроде обращения в оборотня. И мы все в те времена были такими вот оборотнями. С одной стороны, это весёлые, остроумные, симпатичные ребята, студенты вузов, сотрудники фирм, госслужащие, менеджеры, предприниматели, а вот с другой...

Да, по сути, все и каждый из нас немного оборотень. Каждый хоть раз, но превращался в монстра. А потом мы с ужасом и интересом выслушивали истории про самих себя, не веря в то, что успели столько всего такого напороть, да ещё и за столь небольшой промежуток времени. И порой мы словно бы вызываем к этому монстру внутри нас, словно хотим, чтобы он вырвался, хотим и страшимся этого. Так, ладно, не о том речь. Кира пьянел. Глаза его наливались кровью, соображал он уже плохо и курил прямо в вагоне.

– Может, тебе поспать маленько? – осторожно, чтобы не спровоцировать, сказал я. Кира в таком состоянии мог наброситься на тебя с кулаками без всякого предупреждения. Мы дрались с ним, наверное, раз пятнадцать, и не всегда зачинщиком был он. У меня тоже порой ехала крыша. Ну, оно и понятно, когда тебе не более восемнадцати лет и в составе крови постоянно присутствует взрывоопасный коктейль из тестостерона, адреналина, дофамина и всех остальных волшебных веществ и гормонов, которые в этом возрасте выделяются практически постоянно, затуманивая и без того неокрепшие мозги. Прибавьте сюда некачественный алкоголь и сомнительные, даже не всегда наркотические, вещества, и на выходе получаем практически ничего не соображающее существо. Но, как бы то ни было, сейчас я не имел никакого желания драться с Кирой и поэтому решил отстраниться от ситуации и пустить всё на самотёк, как часто делал в те годы, ну и, собственно, успешно продолжаю эту порочную практику до сих пор.

– Так, ну-ка тихо, блин, – обеспокоенно произнёс Лё-шик. – хоть кто-нибудь, сука, подумал взять с собой жратвы, кроме той, что я вижу на столе?

– Я взял амулеты и огромный нож, – гордо произнёс я.

– Молодец, умничка. – Лё-шик погладил меня по голове, и я замурлыкал от удовольствия. – Кто ещё похвастается?

– Есть картошка, репчатый лук, и чеснок, – подал голос Андрюха, который лежал на соседней сидухе и читал мою книгу (кстати, он не пил вообще). Не помню почему и тем более не знаю зачем он с таким раскладом с нами поехал.

– Всю закуску на стол! – скомандовал Лё-шик.

Все начали копаться в своих рюкзаках и выкладывать снедь на импровизированный стол.

– Итак, что мы имеем? – Лё-шик критично осматривал имеющийся провиант. Банка килек в томатном соусе, батон чёрного, пару кило картошки, две банки тушёнки и внушительный пакет с чесноком и луком.

– Чувак, а зачем столько лука? – обратился Тим к Андрюхе.

– Не знаю. У меня дома что-то лука было много, может, мать притащила, ну я и решил взять.

– Ну и чё, вы хотите сказать, что этого нам хватит? – Лё-шик смотрел на нас как на умственно отсталых. Справедливости ради скажем, что именно он взял большую часть еды. И это означает, что никому более это в голову не пришло.

– Так, теперь пьём без закуски, – рационально предложил я.

– Не решит.

– И то верно, – открывая бутылку, сказал я. – Предлагаю поскорее нормально залиться, и тогда нас перестанут заботить подобные мелочи.

– О! Наша тема! Я говорил, что люблю тебя, – нежно произнёс Лё-шик.

Всем такая идея пришлась по вкусу. И мы продолжили.

В какой-то момент, когда все мы, кроме ренегата Андрона, были уже изрядно бухи, Кира подскочил, словно его ударило током.

– Вы чё, дебилы, жизни не нюхали? С вами только водку и пить. Ничего не можете сделать по-нормальному. Как? Как, сука, вы собираетесь жить-то вообще? – извергался он.

Не сказать, что такой пассаж вызвал всеобщее недоумение. Я бы даже не стал утверждать, что это хоть кого-то заинтересовало. Однако рассудительный Лё-шик всё же поинтересовался.

– Суть претензии, барбос.

– Как, сука, можно было поехать в эту глушь без еды? – неожиданно адекватно ответил Кира.

– А! Вот ты о чём. Эыто да. Но вместо того чтобы бакланить, сделай что-нибудь.

– Я сделаю, – сказал Кира и почему-то покрутил указательным пальцем возле виска. Видимо, этот жест отражал ситуацию в целом.

За этим содержательным диалогом мы и не заметили, как электричка, лязгая, начала останавливаться на какой-то станции. По моим к тому моменту невменяемым расчётам, нам оставалось ехать минут тридцать. Клин я помнил точно, потому как мы долго ржали над вымышленной радиостанцией. Что-то типа «Радио Клин. Слови клина, и ты уже дома». Итак, это была вроде «Путепроводная», и, как назло, прямо на станции, красуясь заманчивой вывеской, находился магазин «Продукты». И естественно, после остановки он оказался аккурат напротив нашего окна. Ну, такое знамение не могло остаться без последствий.

– Ага! – победоносно заорал Кир. – Вот тут-то я и закуплюсь. Найдется из вас хоть один нормальный человек, который сделает по уму? – Он поднялся и не вполне уверенной походкой, но при этом достаточно быстро направился к выходу.

– Я с тобой, – неожиданно заявил Обжора. Я вообще думал, что он спит.

– А деньги-то у вас есть, долдоны?

– У меня нет, – сказал Обжора.

– Я и не сомневался, – попытожил Лё-шик. – Но если вы всё равно идёте, то возьмите ещё водки.

И он протянул Обжоре двести рублей, как я понял. При этом он смотрел как-то очень по-особому, как бы говоря, мол, давай, прояви себя, покажи, на что ты способен. Или ты просто возьмёшь и кинешь всех, как всегда? Так давай, смотря прямо в глаза, сделай то, что должен. Я подумал тогда, что это страшная ошибка, но, обратив внимание на то, что Обжора, в отличие от Киры, не взял рюкзак, а как-то сразу успокоился и откупорил ещё одну.

* * *

– Чувак, давай отдупляйся.

Я помню, что двигался, но не сам. Кто-то тащил меня волоком по вагону. Через тамбур на свежий воздух. Я огляделся, с трудом подчиняя себе своё же тело. «Платформа Конаково ГРЭС», – вот что я смог прочитать. «Кажется, не на месте, – подумал я. – А где же все?» – подумал я ещё раз.

– Чувак, ну наконец-то, – опять этот голос. – Слышишь меня?

– Ну, допустим, слышу, – пробормотал я в ответ. – Чё?

– Короче, ситуация такая: Тим и Андрон пошли на берег договариваться по поводу лодки. У нас рюкзак Обжоры, их с Кирой пока нет, – мне кажется, я даже кивнул в этот момент, хотя не понимал ровным счётом ничего. – Я... я пойду в магазин и куплю ещё водки, – продолжал Лё-шик монотонным голосом.

– Эй, эй чувак, – он тряхнул меня, и я окончательно, насколько это вообще было возможно, пришёл в себя. – Сторожи пожитки, а я пошёл.

– Да, давай иди. Погодь, а топлива мне для настроения?

– Андрюха забрал сумку вроде бы, но поищи в рюкзаках, может, там чего осталось.

Голос явно удалялся. Я прилёг на рюкзаки и начал мучительно соображать. Я был пьян, но опьянение стало уже переходить в болезненную, предпьянственную стадию. Водки не хотелось. Пивка можно было бы, а лучше водички. О, точно! – минералка, она где-то должна была быть. Эта мысль придала мне сил, и я начал с остервенением копошиться в рюкзаках. О! Как же я хотел пить; я только теперь начал это понимать. Вытряхивая из сумок всё содержимое, я наткнулся на вещи, которые серьёзно укрепляли моё стратегическое превосходство и общую значимость для всей экспедиции. Обе палатки, спальник, котелок, пенка, пакет с рыболовными принадлежностями и, наконец-то, наполовину полная баклажка минералки. Я прильнул губами к горлышку и не отрывался, пока не осушил почти всё. «Надо бы ещё воды с собой прикупить», – подумал я, поудобнее устраиваясь на наших баулах. Меня само собой начинало беспокоить, что я находился в полном одиночестве. И при этом я понятия не имел, куда идти, а интересно, кто реально знал, где место? Я – нет, Лё-шик – тоже нет, Андрюха – точно не знал. Обжора мог знать и... – наверное, Тим. По-моему, как раз эти двое и нашли этот, как впоследствии выяснится, небольшой островок посреди Волги. Смеркалось. На платформе не было ни души. Я задремал, как вдруг услышал протяжное завывание приближающейся электрички. Интересно, это последняя на сегодня или будут ещё? Не думаю, что их много тут курсировало; от силы шесть в день. А так как уже совсем стемнело, то эта была, скорее всего, предпоследней. Если никто так и не появится, то что мне делать? Ехать домой? Но я не смогу взять все вещи. Ждать до упора? Но сколько это может продолжаться? Да, это прямо вот было интересно, как оно там дальше будет. Я находился в самом начале платформы, там, где останавливался первый вагон из центра, а спуск находился ближе к концу, и, естественно, люди старались пройти в последний вагон. Электричка подошла и, лязгнув усталым металлом, остановилась.

В первом вагоне, который оказался напротив меня, не было ни одного человека. Мне подумалось, что даже время спросить не у кого, и мои надежды начали таять, как сами знаете что. Перспектива ночевать на платформе, конечно же, не радовала, но, в принципе, не критично, так как ночь должна была быть тёплой. Я ещё раз огляделся, и вдруг мне показалось, что я заметил знакомый силуэт.

– Кира, – заорал я что было сил.

– И-ха, – услышал я победоносный клич в ответ и был этому несказанно рад.

Через некоторое время, удобно расположившись, мы ели батон с майонезом и улыбались. На душе и правда стало спокойнее. И я готов был продолжать нестись по волнам массового психоза. Кира был достаточно трезв для более-менее адекватного общения, чем я и не преминул воспользоваться.

– Ну чё, где Обжора? – спросил я с набитым ртом. – А водка?

– Ха, а где Лё-шик? – парировал Кир.

– Неплохо. Понятия не имею. Пошел искать приключений на свою жопу, а если постарается, то и на наши тоже. Ты, кстати, знаешь, куда идти? Тим с Андрюхой ушли за лодкой какой-то и, кстати, всю водку забрали с собой.

– Обжора забухал с местной гопотой и, по-моему, позвал их с нами на рыбалку, а они обещали всё устроить, – посетовал он. Конечно, я понимал, что ничего хорошего из этого не выйдет. В лучшем случае они просто нажрут и разбредутся по окрестностям, а в худшем, пожалуй, нас ждёт жёсткое огребалово по полной программе.

– Ну а водка-то что? – настойчиво повторил я.

– Две литрушки у меня, – гордо заявил Кира, – ещё одну забрал Обжора.

– Зашибись! – пропел я, пританцовывая с батоном. – Доставай, открывай, наливай! – продолжая горланить, я ловко вытаскивал купленную закуску из пакета, принесённого Киной.

А там было чем поживиться. Несколько батонов, две пачки майонеза, бомж-пакеты, крупа, консервы, банка с соленьями, сахар, соль и жутковатого вида пачка чая.

Уютно разложив приготовленный снэк на газетке, прямо на платформе, в окружении сумок и рюкзаков, мы приготовились вкусить злодейку.

– Как же ситуация изменилась, – довольно сказал я. – А я тут голову ломал, что делать буду.

Кира кивнул и протянул мне свой небезызвестный раскладной стаканчик. Я налил граммов пятьдесят и, поставив бутылку на землю, приготовился толкнуть речь. Настроение было превосходное, хотя пива всё ещё хотелось. Я подумал, что чуть позже нам следовало бы обсудить альтернативы и перспективы на ближайшие несколько дней. Но тут до моего слуха донеслись звуки, которые возвещали о том, что сейчас начнётся что-то невообразимое. Пением это трудно было назвать, скорее кто-то просто орал, но слова были до боли знакомые:

Если пиво есть – значит всё хорошо!
Если мало его, мы замутим ещё.
Значит, будет не зря проведён этот день,
Значит, завтра с утра нам вставать будет лень!
По любому будет водка, соберутся друзья.
По любому к ним, конечно, подгребу и я.
По любому опять – пьянка до зари!
По дороге к магазину пропадут все фонари!
В кармане ни гроша. Мокротная душа
На пьянку позовёт любого алкаша.
В кармане ни гроша. Мокротная душа
На пьянку позовёт любого алкаша.

После припева, успев махнуть по рюкзаке, мы с Киной подхватили песню и орал уже в четыре глотки:

Если утром будет снова нам тяжело,
То придётся сходить и замутить ещё.
И возможно, тогда нам будет не лень
С удовольствием отметить очередной новый день.
Мокротное братство с каждым днем всё пьяней.
Мокротное братство отымеет всех блядей.
Мокротное братство – нам уже всё равно.
Мокротное братство – водка, пиво и вино!

Затем уже тише, как было принято, пропели последнее четверостишие. Ну конечно же, это были Лё-шик и Обжора, а пели мы гимн ОМБ, и, кроме нас, никто не мог знать слов и мотива, потому как это мы придумали, и это было круто. Как и где они встретились, я не знаю, да и сами они не знают. Это одна из тех необъяснимых штук, которые происходят с пьяными и обдолбанными людьми и которые потом рассказывают в качестве городских легенд. И таких штук с нами происходило великое множество. Парни были просто в говно, и это ещё слабо сказано. Они с трудом держались на ногах, и при этом у Лё-шика в руках была едва початая бутылка пива.

– Мокротные боги благоволят ко мне сегодня, – сказал я, отбирая пиво у ничего не соображающего чувака. Сделав большой глоток, я отметил, что пиво было ещё немного холодное, а это значит, что его купили недавно, хотя это не имело никакого значения. Лё-шик, как в

замедленной съёмке, повернул голову в мою сторону, но так ничего и не сказав, просто махнул рукой, смирившись с участью пиволишённого.

– Слышь, балбес, куда идти-то? – обратился Кира к Обжоре.

Затем последовало нечленораздельное мычание, из которого нам стало понятно, что надо двигаться по дороге, перпендикулярной железнодорожным путям, а потом направо. Затем минут пятнадцать мы пытались уложить по рюкзакам выложенные мной из них вещи. Потерпев неудачу, решили упаковаться хоть как-нибудь. Я предусмотрительно положил к себе спальник, подозревая, что сегодня ночевать придётся явно не там, где планировалось с самого начала. Решили сделать следующим образом: Лё-шик и Обжора идут первыми с вещами, которые смогут нести, а мы отправляемся чуть позже с остальным скарбом. Но перед дальней дорогой мы с Киroy надумали немного подкрепиться.

– Кстати, чё там у тебя с этой, как её там? – сказал я, делая канане с сельдью на манер тех, что подавали во «Втором дыхании». О, что за волшебное место, сколько воспоминаний, сколько всего связано с ним!..

* * *

Вот одну историю прямо наваяло, не могу не поделиться. И не то, чтобы это была прямо какая-то из ряда вон выходящая тема, скорее просто рядовая тусовка во «Втором...», но уж больно душевная. Был, насколько я помню, канун Нового года, поэтому все посиделки на лавочках и в парках пришлось свернуть. И вот, например, куда пойти двум бедным студентам с творческим взглядом на жизнь. Ну, конечно же, в знаменитую и легендарную в те времена рюмочную «Второе дыхание», в которой, по преданиям, пивал пиво и не только сам Владимир Семёнович Высоцкий, и какое-то время у них даже стояла на особом, небольшом постаменте, на барной стойке, старая советская пивная кружка, из которой-то и выпивал великий бард и которую я в какой-то момент безжалостно выкрал. Она теперь стоит у меня дома в коллекции необычных пивных бокалов. В общем, чего уж там греха таить, мы были завсегдатаями этого замечательного места, ну по крайней мере в холодные периоды. Так что, освободившись пораньше с учёбы, аккурат в четверг я со своим университетским дружбаном Митричем направился в вышеупомянутое заведение с неоднозначной репутацией. Хотя, безусловно, местечко было знатное, и его на полном серьёзе я находил в некоторых путеводителях по Москве, выпущенных для иностранцев.

Так что представляете, какой там был контингент. Откровенные маргиналы, местные алкаши, бедные студенты, мелкие криминальные элементы, неформалы всех мастей, иностранные туристы, офисный планктон, футбольные фанаты, интеллигенты, склонные к запоям, и много кто ещё, а довершал картину местный бэнд, состоящий из двух мужиков, которые лабали на баяне и каких-то трещотках, исполняя при этом различные музыкальные хиты всех времён и народов, начиная от «Битлз» и заканчивая советскими песнями про войну. Ну, короче говоря, жгли мужики душевно, причём принимали заказы и за пару кружек пива; в лёгкую могли воспроизвести «Smock on the water». И мы, конечно же, чувствовали себя там как рыбы в воде. Митрич даже ухитрился назначить свидание одной возвышенной особе, которая не очень-то оценила столь нонконформистский пассаж и в результате так ему и не дала. Решивши дойти от Третьяковки до «Второго...» пешком, мы обрекли себя на попадание под жутко валивший снег. И когда я толкнул дверь кабака, то понял, насколько сильно нас запырило, и теперь мы похожи на двух снеговиков.

– Так, мальчишки, на улице отряхайтесь, – крикнула нам одна из двух работавших в тот день барменш, – а то и так наворочали тут уже.

Мы послушно вернулись на крылечко и по возможности отряхнулись. Вновь войдя в смрадное полуподвальное помещение и вдохнув знакомый до боли запах, состоящий из тер-

моядерной смеси различных перегаров, дыма дешёвых сигарет, вони от как обычно пригоревших гренков, жарившихся, судя по всему, на одном и том же масле на протяжении нескольких дней и, бог его знает, каких ещё не известных науке примесей, я не без удовольствия шагнул вперёд по направлению к одному из наших любимых столиков. Вообще, если кто не был, «Второе дыхание» представляло собой совсем небольшое помещение, думаю, квадратов тридцать пять, вряд ли крупнее. Большая часть пространства была отдана под зал для гостей; остальное занимали подсобные помещения, барная зона и знаменитый туалет, который закрывался на замок, и только посетители имели право пользоваться клозетом. Внутри он был весь расписан маркерами, ручками и простыми карандашами. Люди оставляли там свои автографы и просто всяческие афоризмы и смешные изречения. Что-то вроде древнего твиттера, в котором я, к примеру, отмечался регулярно. Сидячих мест в данном заведении предусмотрено не было; высокие столики располагались вдоль стен, и, по-моему, парочка находилась по центру зала. Но два места были особыми. Один столик был оборудован на небольшом постаменте прямо возле единственного окна, которое наглухо заколочено, и только маленькая форточка оставалась отдельным связующим звеном с внешним миром. Летом в небольшом проеме устанавливали соответствующих размеров вентилятор, ну а в холодный период ограничивались лишь слегка приоткрытой створкой. Второе элитное место примыкало к барной стойке с правой стороны, и главным его стратегическим преимуществом был огромный промышленный холодильник, который находился рядом, и если компания была многочисленной, то этот рефрижератор можно было использовать как некое подобие дивана. На него мы обычно усаживали, немного подсадив перед этим, сопровождающих нас дам, ну или уже перебравших на тот момент господ. И проделывать такое позволялось далеко не всем посетителям таверны, а только проверенным и кредитоспособным завсегдатаям, коими, вне всяких сомнений, мы и являлись, несмотря на периодические дебоши, стычки и акты гражданского неповиновения, к которым были склонны некоторые адепты нашего братства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.